

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Питер ЛАВСИ

ПОСЛЕДНЕЕ
ДЕЛО
ДАЙМОНДА

Питер Лавси
Последнее дело Даймонда
Серия «Золотой век продолжается»
Серия «Питер Даймонд», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24205556
Последнее дело Даймонда: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-099941-5

Аннотация

В озере неподалеку от знаменитого курортного города Бат находят труп Джеральдин Джекман, в прошлом – звезды популярного телесериала, впоследствии – просто супруги уважаемого ученого.

Но кто же убил Джеральдин? Муж, уставший от ее истерик и нервных срывов? Влюбленная в ее мужа одинокая женщина, мечтающая о браке с ним? Наркодилер, которому жертва крупно задолжала? Или кто-то, кого невозможно даже заподозрить в столь жестоком преступлении?..

Суперинтенданту Питеру Даймонду предстоит расследовать одно из самых непростых дел в его карьере...

Содержание

Часть первая. Дама в озере	5
Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	18
Глава четвертая	28
Глава пятая	43
Глава шестая	61
Глава седьмая	75
Часть вторая. Грегори	98
Глава первая	98
Глава вторая	105
Глава третья	115
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Питер Лавси

Последнее дело Даймонда

© Peter Lovesey, 1991

© Перевод. А. Соколов, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Часть первая. Дама в озере

Глава первая

Мужчина стоял неподвижно по пояс в воде и даже не заметил, как к нему что-то подплывает. Он рыбачил на северном берегу озера в долине Чу-Вэлли – водоема площадью 1200 акров у подножия Мендипских холмов на север от Бристоля. Три крупные форели уже были пойманы. Рыбак сосредоточенно вгляделся в многообещающую воронку на спокойной глади воды в том месте, куда он забросил блесну. Условия для рыбалки были отличные: вечер в конце сентября, небо хмурилось, мухи миллионами вились над его головой, выводя эффектные пируэты в предзакатном воздухе. Их плотные массы казались темнее облаков, а звон таким же гулким, как звук проходящего поезда подземки. Неотразимая приманка для голодной рыбы.

Юго-восточный ветерок рябил поверхность вокруг, но дальше следовал клин воды, иначе отражавший меркнувший свет. Рыбаки называют его «накипью». Мужчина по опыту знал, что именно там рыба поднимается к поверхности. Он был настолько захвачен рыбалкой, что не заметил бледного предмета, даже когда тот оказался рядом. Погруженный наполовину в воду, предмет неспешно плыл, подгоняемый вет-

ром, и при этом покачивался так, что создавалось впечатление живого существа.

И наконец коснулся мужчины. Белая кисть мазнула его по бедру. Рука изогнулась и зацепилась подмышкой за его ногу. Рядом с мужчиной лежала в воде вверх лицом мертвая голая женщина. Рыбак исторг откуда-то из горла непривольный пронзительный крик. На мгновение застыл, но затем нашел в себе силы собраться и освободиться от непрощенных объятий. Не желая касаться трупа, он воспользовался ручкой удилища словно рычагом и, повернув тело, пустил плыть по ветру. Затем выхватил из воды сетку с добычей и, не удосужившись смотать леску, быстро двинулся к берегу. Там оглянулся – вокруг никого.

Рыболов не был проникнут духом гражданской ответственности. Его реакция на находку была однозначной – поскорее смотать удочки, добраться до машины и отвалить.

Однако одна здравая мысль посетила его. Прежде чем уехать, он открыл сетку и выбросил обратно в воду трех пойманных рыб.

Глава вторая

В тот же субботний вечер в половине одиннадцатого полицейский констебль Гарри Седгемур и его жена Ширли сидели в своем доме в Бишоп-Саттон, на противоположной стороне озера, у телевизора и смотрели ужастик. Констебль сменился со службы в шесть часов и теперь распростер свое долговязое тело во всю длину дивана, свесив голые ступни. В тот жаркий вечер он переоделся в черную майку и шорты. В левой руке держал банку с пивом «Молтхаус битер», правой – поглаживал по голове Ширли, раскручивая ее темные кудряшки и чувствуя, как они снова сворачиваются, принимая присущую им форму. После душа Ширли надела только ночную рубашку и, устроившись рядом на полу, привалилась к дивану. Потеряв интерес к фильму, она закрыла глаза, но не возражала, чтобы его смотрел Гарри, – обычно после такого ужастика он теснее прижимался к ней в постели. Думала о том, что подобные фильмы нагоняли на него страху больше, чем на нее, но разве скажешь такое мужу, особенно если он полицейский? И Ширли терпеливо ждала окончания. Пленки осталось совсем немного. Гарри несколько раз нажимал на клавишу ускоренной перемотки, пропуская скучные разговоры. Скрипки на звуковой дорожке достигли крещендо, когда супруги Седгемур слышали, как щелкнул замок входных ворот.

– Это еще что такое? – буркнула Ширли. – Который теперь час?

Муж вздохнул, спустил ноги с дивана, поднялся и выглянул в окно:

– Какая-то женщина.

Других подробностей в свете фонаря на крыльце он разглядеть не сумел. А гостью узнал, только открыв дверь, – мисс Тренчард-Смит. Она жила одна в старом доме в самом конце поселка. Осанистую семидесятилетнюю женщину никогда не видели без тирольской шляпки, которая за годы выцвела и превратилась из коричневой в нечто напоминающее цветом местный темно-розовый камень.

– Не хотела вас так поздно беспокоить, офицер. – Ее взгляд скользнул по майке и шортам Гарри. – Но, полагаю, вы согласитесь: то, что я нашла, оправдывает мое вторжение. – В своей подчеркнуто благовоспитанной манере она выделяла каждое слово. Женщина хоть и жила в поселке с самой войны, но за местную никогда не сошла бы, да она этого и не хотела.

– И что же это такое, мисс Тренчард-Смит? – снисходительно спросил полицейский констебль Седгемур.

– Труп.

– Труп? – Гарри коснулся пальцем подбородка, стараясь не выдать волнения, но его сердце забилося быстрее. После шести месяцев службы в полиции ему еще ни разу не приходилось выезжать на вызов туда, где обнаружили труп.

– Я выгуливала у озера своих кошек. Люди не верят, что кошки любят, если их выводят на прогулку, но с моими это так. Я выхожу с ними каждый вечер примерно в это время. Они сами настаивают. Не дадут мне спать, если их не выведу.

– Вы видели тело?

– Разумеется. Женщины. И ни клочка одежды на бедняжке.

– Будет лучше, если вы все мне покажете. Это... далеко?

– В озере. Если еще не унесло.

Седгемур воздержался от комментария, что тело все равно останется в озере, даже если его отнесет от берега. Он хотел, чтобы мисс Тренчард-Смит сотрудничала с ним. Седгемур пригласил ее в дом, а сам взбежал наверх за свитером и рацией.

К гостье вышла поздороваться Ширли. Мисс Тренчард-Смит ответила ей тоном, который ясно говорил, что порядочную женщину не должны видеть в ночной рубашке нигде, кроме как в ее спальне.

– Представляю, как это для вас было ужасно, – заметила Ширли, имея в виду то, что случилось у озера. – Хотите что-нибудь выпить, чтобы успокоиться?

Гостья поблагодарила и отказалась.

– Но вы можете присмотреть за моими кошками, пока я буду отсутствовать. – Это прозвучало так, словно она делала Ширли великое одолжение. – Вы ведь не против кошек? – Не дожидаясь ответа, она повернулась к двери и позвала: – Сю-

да! Сюда! Сюда! – Из тени выскочили две сиаемские кошки и прыгнули на нагретый Гарри диван, будто это место было специально приготовлено для них.

Когда Седгемур снова спустился вниз, Ширли, увидев, во что он одет, сказала:

– Мне показалось, ты пошел наверх взять брюки?

– Может, мне придется лезть в воду и кое-что вылавливать, – произнес он.

Жена поежилась. Гарри взял с полки у двери фонарь и проговорил:

– Пока, дорогая! – Он чмокнул жену и, старясь успокоить, шепнул: – Она, наверное, все выдумала.

Только не эта твердолобая старая кляча, решила Ширли. Если говорит, что труп там, будьте уверены – он там.

А вот Гарри продолжал сомневаться. И пока вез мисс Тренчард-Смит с полмили к озеру, размышлял, что она, наверное, захотела оживить свою монотонную жизнь, устроив себе бесплатное развлечение. Ведь известны случаи, когда одинокие старухи морочат полиции голову всякими небылицами. Если это тот случай, он разозлится не на шутку. Ясно, что Ширли теперь откажется заниматься с ним любовью. После упоминания об утопленнице, что бы он ни сказал и ни сделал, она не успокоится.

Чтобы держаться как подобает полицейскому, пришлось сделать над собой усилие. Гарри спросил, где остановить у озера машину.

– Не знаю, – ответила мисс Тренчард-Смит безразличным тоном. – Я понятия не имею, где мы сейчас находимся.

Он затормозил там, где заканчивалась дорога. Они вышли и стали пересекать торфяную полосу. Гарри водил перед собой лучом фонаря. Водоем был огорожен забором, за которым колебался на ветру камыш, то появляясь, то исчезая в свете фонаря.

– Как вы проходите к воде? – спросил Гарри.

– Через ворота.

– Ворота предназначены только для рыбаков.

– Я им нисколько не мешаю. – Мисс Тренчард-Смит рассмеялась. – И никому не скажу, что вы нарушили закон.

Она толкнула ворота, и они продолжили путь к кромке воды.

– То самое место?

– Сейчас все выглядит совершенно иначе, – отозвалась мисс Тренчард-Смит.

Сдерживая раздражение, Гарри широко повел лучом фонаря:

– Вспомните. Как вы заметили тело?

– Тогда еще не совсем стемнело.

В пятидесяти ярдах по берегу находилось место, где тростник вырос особенно высоким.

– Похоже?

– Ну, посмотреть не повредит, – кивнула она.

– Для этого мы сюда и приехали, мисс.

Гарри сделал шаг и почувствовал, что его нога утопает в мягкой грязи.

– Оставайтесь где стоите, – предостерег он мисс Тренчард-Смит, прошел до конца участка, но не обнаружил ничего, кроме семейства протестующе закрывавших уток. Гарри вернулся.

– Взгляните, во что превратились ваши кроссовки, – произнесла мисс Тренчард-Смит.

– Мы ищем труп, мисс, и должны постараться найти его, – напомнил он.

– Если вы собираетесь влезать в каждую кущу камыша, мы проведем здесь всю ночь, – безмятежно заметила она.

Двадцать минут поисков ничего не дали, если не считать, что мисс Тренчард-Смит вела себя все с большим вызовом, а полицейский констебль становился нервнее. Гарри светил фонарем и с горечью думал об оставленной дома в компании противных кошек Ширли, пока он тут пляшет под дудку взбалмошной старухи. Было почти половина двенадцатого. Ничего себе субботний вечерок! Словно демонстрируя невыполнимость задачи, Гарри нетерпеливо махнул лучом по поверхности воды. И в этот момент мисс Тренчард-Смит словно в отместку сказала:

– Там.

– Где?

– Дайте мне фонарь.

Он послушался и смотрел, как она держит его в вытяну-

той руке. Луч выхватил нечто белое в озере. Полицейский констебль коротко вздохнул и прошептал:

– Надо же! Вы оказались правы.

Тело застряло в камышах в десяти футах от них – в том месте, где голубовато-зеленые в свете фонаря водяные растения густо сплетались. Это была, без сомнения, женщина. Она лежала лицом вверх, длинные волосы плавали по воде, одна прядь обернулась вокруг шеи, бледная кожа пестрела зелеными семенами. Никаких ран. Седгемур вспомнил картину, которую видел во время школьной экскурсии в Лондон: мертвая, явно утонувшая женщина среди тростника. Полотно произвело на него впечатление. Учитель объяснил, что художник заставлял натурщицу часами лежать в ванне в его студии и однажды забыл заправить лампы, которые подогревали воду. Девушка подхватила простуду, которая если и не убила ее сразу, то, конечно, сократила жизнь.

История была рассказана ученикам как пример излишней верности своему делу. Седгемур стоял перед картиной до тех пор, пока учитель громко не окликнул его из соседнего зала. Прежде мальчик ни разу не видел изображения мертвого тела, а смерть, как известно, завораживает детей. Теперь, взглянув на утопленницу, он понял, насколько идеализировал прерафаэлит образ погибшей. Даже не потому, что живописная утопленница была в одежде. Ее лицо и руки изящно покоились на поверхности воды. Лицо же подлинной утопленницы под тяжестью головы погрузилось под воду. Разду-

тый живот, наоборот, оказался наверху. Кожа на груди сморщилась, руки отвесно уходили на глубину, и их вообще не было видно.

– Поднимается ветер, – заметила мисс Тренчард-Смит.

– Да, – кивнул Гарри.

– Если вы что-нибудь не предпримите, ее снова отнесет от берега.

Дежурный инспектор полицейского управления Йовила уловил в срочном вызове констебля Седгемура самое важное слово – «голая», что означало объявление тревоги. Если обнаружен труп без одежды в озере, можно сразу исключить несчастный случай или самоубийство.

– Ты говоришь, что трогал ее? Без этого нельзя было обойтись? Хорошо, дружище, оставайся на месте. Никуда ни шагу. Не топчи землю. Трупа больше не касайся. Не кури, не расчесывай волосы – в общем, замри.

Этот приказ Седгемуру пришлось нарушить. Он не решился признаться, что говорит из машины, где по глупости забыл рацию. И теперь рысью припустил обратно к озеру.

Мисс Тренчард-Смит, на удивление спокойная, стояла неподалеку от утопленницы.

– Я выключила ваш фонарь, чтобы сэкономить батарею, – сказала она.

Гарри объявил, что подмога на подходе, и он позаботится, чтобы ее как можно скорее доставили домой.

– Надеюсь, этого не случится, – возразила мисс Тренчард-Смит. – Я хочу помочь.

– Очень любезно с вашей стороны, – кивнул Седгемур. – Но при всем уважении к вам, Скотленд-Ярд в помощи не нуждается.

– Это вам бы так хотелось, молодой человек.

– Да.

Ее было не остановить. Женщины такого склада когда-то поднимались на гору Маттерхорн в длинных юбках и приковывали себя к ограждениям во время демонстраций.

– Необходимо установить ее личность, – проговорила она. – Я не Шерлок Холмс, но уже могу кое-что сказать. Она была замужем, гордилась своей внешностью, и ей жали туфли. И еще у меня впечатление, что она рыжая. Когда вы ее выловили, мне показалось, будто женщина шатенка. Но присмотревшись, я решила, что ее волосы имели прелестный оттенок конского каштана. Согласны? – Мисс Тренчард-Смит включила фонарь и, любуясь, склонилась над лицом утопленницы, словно то вовсе не было обезображено после долгого пребывания под водой. – Неудивительно, что она их отращивала.

– Не прикасайтесь! – предупредил Седгемур.

Но она уже зажала локон между большим и указательным пальцем.

– Не брезгуйте, попробуйте, какие они приятные на ощупь.

– Дело не в этом. Таковы правила. Нельзя ни до чего драгиваться.

Мисс Тренчард-Смит подняла голову и улыбнулась:

– Да будет вам! Вы только что вытащили ее из воды.

– У меня приказ, – упорствовал Гарри. – И советую вам сотрудничать со следствием.

– Ладно. – Она распрямилась и, двигая фонарем, принялась излагать свои выводы: – На левой руке заметна полоса от обручального кольца. Видны следы маникюра и педикюра. Пальцы на ногах сведены судорогой, на пятках покраснение. Она не крестьянка и не феминистка, мой дорогой Ватсон. Так где же ваши коллеги? Им уже пора появиться.

Седгемур ощутил облегчение, заметив вдали проблесковый маячок полицейского автомобиля. И широко взмахнул фонарем у себя над головой.

Через несколько минут их растерянность сменилась деловой активностью, которую молодой констебль видел только в учебных фильмах. «Панда», два больших фургона и микроавтобус выехали к берегу, и из них вышли не меньше дюжины мужчин. Место огородили лентами и осветили дугowymi лампами. Два старших детектива приблизились к трупy, прибыла бригада судмедэкспертов. Фотограф делал снимки, натянули экран. Мисс Тренчард-Смит пригласили в микроавтобус и стали задавать вопросы, каким образом она обнаружила труп. Детективы проявили больше интереса к ее зеленым резиновым сапогам, чем к заключениям по поводу лич-

ности жертвы. Сапоги сфотографировали и сделали слепки с подошв. Вскоре женщину отвезли обратно к дому констебля Седгемура.

Самого его тоже больше не задерживали. Он дал объяснения, вручил измазанные грязью кроссовки экспертам, дождался, когда их вернут, затем покинул место преступления и отправился домой. Когда вскоре после полуночи Гарри вошел в свой коттедж, мисс Тренчард-Смит со своими кошками находилась еще там. И в половине второго пила какао и предавалась воспоминаниям, как во время войны служила на «Скорой помощи», когда насильственная смерть стала для нее буквально обычным делом. Чего не мог сказать о себе Гарри Седгемур. От какао он отказался и пошел наверх принять таблетки от несварения желудка. В восемь утра ему предстояло выйти на дежурство.

Глава третья

В морге Бристоля на металлической каталке лежало тело. Огромный живот напоминал картину горного пейзажа. А для обладателей богатого воображения навевал мысли о динозавре, притаившемся в доисторическом болоте, если не принимать в расчет возлежащую на вершине мягкую фетровую шляпу из тех, что носили в сороковых годах. На теле был двубортный костюм, со складками в особенно натруженных местах, серый, широкого покроя – в полиции Эйвона и Сомерсета он был хорошо известен как рабочая одежда детектива суперинтенданта Питера Даймонда. Лысая, с пучками седых волос голова покоилась на клеенке, которую он нашел свернутой на одной из полок. Питер ровно дышал.

Его сморило. С тех пор, как на прикроватном столике в его доме в Бэр-Флэт возле Бата вскоре после часа ночи прозвенел телефон, у него не было ни минуты передышки. Когда он прибыл на место преступления на озере Чу-Вэлли и осмотрел тело, местные полицейские уже начали расследование, но требовались решения, которые принять мог только он, Питер Даймонд. Нужно было тронуть струны, доступные лишь обладающему полномочиями человеку. И он тронул не хуже, чем гитарист Сеговия.

Голая утопленница погибла странным образом, и безусловно заслуживала внимания патологоанатома министер-

ства внутренних дел, а не местного полицейского врача, обладающего единственным правом – констатировать наступление смерти. Даймонд позвонил за семьдесят миль в Реддинг – домой доктору Джеку Мерлину и изложил факты. В списке министерства внутренних дел значилось не менее тридцати предназначенных для Англии и Уэльса патологоанатомов, и некоторые из них жили ближе к озеру Чу-Вэлли, чем Джек Мерлин. Но Даймонд предпочел его. Опыт научил требовать только самое лучшее. На практике лишь двое или трое патологоанатомов тянули лямку работы во всей Южной Англии, подчас проезжая большие расстояния, чтобы осмотреть место преступления. Мерлин был чрезмерно перегружен – кроме того, что мотался по срочным вызовам, был еще обязан производить в год множество рутинных вскрытий, чтобы таким образом зарабатывать деньги для своего научного судебно-медицинского подразделения. Неудивительно, что, получая очередное приглашение от заинтересованного детектива, он хотел убедиться, что его присутствие необходимо.

Не отвечая на любезности Даймонда, патологоанатом сразу согласился и прибыл на место преступления к половине четвертого утра. И вот теперь, через десять часов, делал вскрытие в соседнем помещении.

Вид свободной каталки оказался для суперинтенданта непреодолимым искушением. Он приехал сюда якобы для того, чтобы присутствовать при вскрытии. Современные ве-

нения в полиции требовали от расследующих странные случаи смерти детективов изучать последние ноу-хау и наблюдать в анатомичке, как происходит вскрытие. Но Даймонд, в отличие от многих своих коллег, не горел желанием следовать моде, и готов был положиться на отчет эксперта. По дороге в анатомический театр он не впервые выбрал окольный путь и подчинялся знакам ограничения скорости. Затем не торопясь покружил по Бэксфилду, выбирая место для парковки. В результате, оказавшись в морге, узнал, что доктор Мерлин уже приступил к делу, а надежный подручный суперинтенданта инспектор Уигфул занял пост рядом с ним.

– Вот досада! – усмехнулся Даймонд. – Молодец Джон Уигфул. Мне же остается только ждать.

Для пребывающего в объятиях Морфея суперинтенданта первые часы расследования являлись настоящим стрессом. Так всегда бывает, когда приходится наводить порядок в ситуации такой же стихийной, как сама неожиданная смерть. Но мотор расследования уже заработал: были привлечены коронер и судебные эксперты, изучен список пропавших лиц, задействованы криминалистическая лаборатория и служба связи с прессой. В общем, Питер вполне законно воспользовался возможностью подремать, пока ждал новостей от Джека Мерлина.

Его разбудила внезапно открывшаяся дверь прозекторской. Потянуло неприятным запахом – цветочным дезодорантом, который распылил из аэрозольного баллона не в ме-

ру рьяный служитель. Даймонд моргнул, потянулся, нащупал фетровую шляпу и приподнял ее в знаке приветствия.

– Вам ведь надлежало находиться со мной, – послышался голос патологоанатома.

– Слишком мало времени до ланча.

Даймонд грузно приподнялся на локте. Действительно, не в его привычках было пропускать ланч. Он перестал покупать готовые костюмы с тех пор, как бросил регби и начал толстеть. Спорт остался в прошлом, восемь лет назад, когда ему стукнуло тридцать три. Зато процесс прибавления в весе не прекратился. Но его это не беспокоило.

– Ну, и каков ваш черновой вердикт, доктор? А уж потом все обычные оговорки.

Мерлин терпеливо улыбнулся. Его мягкий выговор уроженца юго-запада Англии навевал воспоминания о голубом небе и варенце. Этот седовласый подтянутый мужчина излучал оптимизм, и было искренне жаль, что клиенты не могли оценить его.

– Я бы на вашем месте, суперинтендант, распалился!

Даймонд изобразил внимание: привел себя в сидячее положение и, повернувшись, свесил ноги с каталки. Мерлин начал объяснять:

– Перед нами возможность, о которой мечтают люди вашего склада – реальное испытание способностей ищейки. Непознанный труп. На нем никакой одежды, позволяющей выделить данную особь из миллионов других женщин. Ни

особых отметин. Ни оружия, причинившего смерть.

– Что означает «люди моего склада»?

– Вы прекрасно понимаете, Питер. Вы – конец эпохи, последний детектив. Истинный сыщик, а не выпускник полицейской академии с дипломом в области компьютерных технологий.

Речь Мерлина не произвела на суперинтенданта впечатления.

– Говорите, нет оружия, причинившего смерть? Следовательно, подтверждаете, что женщину убили?

– Я этого не сказал. С какой стати? Мое дело – вскрытие, а не дедукция.

– Буду признателен за любую помощь, – устало промолвил Даймонд. Он был слишком измотан, чтобы обсуждать, где пролегает водораздел профессий. – Она утонула?

Патологоанатом пожевал губами, словно хотел потянуть время:

– Хороший вопрос.

– И какой на него ответ?

– Тело имеет такой вид, словно оно долгое время находилось под водой.

– Джек, вы должны знать, утонула она или нет. Даже мне известны признаки. Пена во рту и ноздрах. Раздутые легкие. Грязь и ил во внутренних органах.

– Спасибо, что напомнили, – усмехнулся Мерлин. – Никакой пены. Никакого перерастяжения органов. Никакого ила.

Вы это хотели узнать, суперинтендант?

Даймонд привык допрашивать и не обращал внимания, когда вопросы задавали ему. Он ничего не ответил, только посмотрел на собеседника.

Из прозекторской вышел человек с белым пластиковым пакетом. Он что-то проговорил в качестве приветствия, и Даймонд узнал в нем одного из экспертов. Пакет направлялся в судебно-медицинскую лабораторию в Чепстоу – такие посылки на профессиональном жаргоне называли наборами потрохов.

– Смерть в результате утопления – один из самых трудных диагнозов в судебной патологии, – подытожил Мерлин. – В нашем случае разложение трупа превращает исследование в лотерею. Я не вправе исключить утопление из-за того, что отсутствуют классические признаки. Пену, вздутие легких и прочее можно обнаружить, если тело выловлено вскоре после погружения в воду. А можно и не обнаружить. Но даже если признаков нет, утопление исключать нельзя. Большинство случаев утопления, которые мне приходилось наблюдать, были лишены этих так называемых классических признаков. Если же после погружения в воду проходит достаточно времени... – Патологоанатом пожал плечами. – Разочарованы?

– Что еще могло ее убить? – спросил Даймонд.

– На данной стадии определить нельзя. Проведем тесты на наличие в организме наркотиков и алкоголя.

– Других симптомов нет?

– Другие, как вы выразились, симптомы неочевидны. Не исключено, что лаборатория в Чепстоу даст нам какую-нибудь наводку. Данный случай – вызов и для меня. – Голубые глаза Мерлина блеснули от предвкушения. – Настоящая загадка. Вероятно, целесообразнее установить, что ее не убивало. Женщину не застрелили, не зарезали, не забили до смерти и не задушили.

– И не загрыз тигр, – подхватил Даймонд. – От чего же мне отталкиваться, Джек?

Мерлин подошел к шкафчику с табличкой «Яды», достал бутылку виски, щедро плеснул в два картонных стаканчика и один подал суперинтенданту.

– От чего отталкиваться? Белая женщина тридцати с небольшим лет, с естественными рыжевато-коричневыми волосами до плеч, рост пять футов семь дюймов, вес примерно сто десять фунтов. У нее зеленые глаза, прекрасные зубы с двумя дорогими эмалевыми пломбами, ногти на руках и ногах покрыты лаком, под коленом след от прививки, операционные шрамы отсутствуют, на соответствующем пальце отметина от обручального кольца и... да... она обладала сексуальным опытом. Вы не делаете пометок? То, что я говорю, – квинтэссенция двадцатилетнего опыта ношения прозекторского передника. Вам следовало бы это знать.

– Она не была беременна?

– Нет. Вздутие живота вызвали гнилостные газы.

– А ранее она рожала?

– Маловероятно.

– Сколько времени провела в озере?

– Какая была погода? Я был слишком занят и не обращал внимания.

– Последние две недели довольно теплая.

– В таком случае не менее недели. – Мерлин, словно защищаясь, вскинул руки: – Только не спрашивайте, в какой день она умерла.

– В течение последних двух недель?

– Вероятно. Полагаю, вы проверили список пропавших.

– Никто не подходит, – ответил суперинтендант.

Патологоанатом от его слов расцвел:

– Вы же сами не хотели, чтобы все оказалось просто. Благодаря трудностям проверяются ваши технологии. Все эти невероятно дорогостоящие компьютеры, о которых я постоянно читаю в «Полицейском обозрении»...

Даймонд пропустил его иронию мимо ушей. Не стал спорить, зная, в каких условиях работают патологоанатомы – в муниципальных моргах, где мало места, плохое освещение, плохие вентиляция, канализация и дренаж. Здания моргов никогда не значились в первых строках социальных приоритетов. Суперинтендант и сам не прочь был пожаловаться на службу и зарплату в полиции – но только не Джеку Мерлину.

– Компьютеры? – произнес Питер.

Патологоанатом усмехнулся:

– Вы меня поняли – всеобщая следственная система.

– Какая там всеобщая следственная система? Здравый смысл и отлов свидетелей. Вот таким способом мы добиваемся результатов.

– Если не считать доносов, – добавил Мерлин и продолжил: – Как вы собираетесь поступить с этой женщиной? Опубликовать рисованный портрет? Фотография не будет похожа на то, как она выглядела перед тем, как оказаться в воде.

– Наверное. Но сначала хочу собрать все улики.

– Какие, например?

– Мы ищем ее одежду.

– На месте преступления?

Даймонд покачал головой:

– В данном случае место преступления не имеет значения. Тело дрейфовало по озеру. Из того, что вы сказали, я сделал вывод: труп мог сначала пойти ко дну, а затем всплыть, как обычно бывает, если к нему не привязан груз.

– Верно.

– Когда тело всплыло, его понесло ветром. Придется организовать поиски по периметру водоема.

– Сколько же это составляет миль?

– Десять. Вполне достаточно.

– Что означает множество отложенных выходных.

– Нелегкое занятие. Но будем надеяться, что нам повезет. На озере полно отдыхающих и рыбаков. Я организую пуб-

личное обращение по радио и телевидению. Если удастся обнаружить место, где тело попало в воду, это даст нам точку отсчета.

– Смелое предположение, – заметил паталогоанатом.

– Дедукция. – Суперинтендант сверкнул глазами. – Что еще я мог предположить? Молодая женщина решила искупаться, сначала сняла обручальное кольцо и одежду, а затем утонула. Лишь наивный человек способен объяснить ее смерть естественными причинами. – Он смял картонный стаканчик и бросил в урну.

Глава четвертая

Оперативная группа по расследованию тяжких преступлений с субботнего утра работала из передвижного штаба. Он представлял собой большой автомобильный прицеп, поставленный на участке дерна как можно ближе к зарослям тростника, где обнаружили труп. Каждый раз, когда Питер Даймонд проходил по полу, раздавались звуки, словно открывали бочонки с пивом. Они не утихали до позднего вечера, пока он руководил первыми, самыми важными шагами следствия. Все это время не умолкали пять телефонов, команда регистраторов заносила поступающую информацию сначала на оперативные листы, а затем на карточки. В середине помещения маячила вращающаяся четырехъярусная картотека на двадцать тысяч ячеек. Карточки вполне устраивали Даймонда, хотя многие его молодые коллеги твердили о преимуществе компьютеров. Если расследование не даст быстрых результатов, придется обзавестись столь презируемым им монитором, и горе всем крикунам, когда эта штука-вина сломается.

Сначала поиски одежды утонувшей женщины вели в тех местах на берегу, куда легче добраться с трех ведущих к озеру дорог. Стала собираться странная коллекция забытых предметов гардероба – примет деятельности человека вокруг водоема. Вещи аккуратно снабжали ярлыками и помещали в

пластиковые пакеты, потом отмечали на карте, где они были найдены, и заносили в оперативные листы, хотя не очень надеялись, что они связаны с данным делом.

Призывали водолазов, чтобы те обследовали участок озера, где плавало тело. Не исключалось, что в этом месте утопили одежду или другие улики. Однако многие, включая Даймонда, понимали: труп могло прибить откуда угодно, даже с противоположного берега.

Одновременно опрашивали всех жителей в прибрежных деревнях – задавали вопросы, не заметил ли кто-нибудь в прошлом месяце чего-нибудь необычного у воды. Поток сообщений подтвердил то, что полицейские уже знали: на закате берега оккупировали рыбаки, наблюдающие за птицами орнитологи, собачники и влюбленные парочки. Никто не видел, чтобы к озеру несли или волокли обнаженное тело. Питеру Даймонду эта ловля неводом представлялась необходимым, хотя и неблагоприятным процессом перед тем, как начиналась настоящая работа детектива – установление личности и допросы подозреваемых. Сколько бы ни старались относиться к случившемуся как к несчастному случаю, расследование велось так, как принято, если произошло убийство. А то, что это убийство, Даймонд не сомневался. С тех пор, как его назначили в отдел по раскрытию убийств Эйвона и Сомерсета три года назад, он вел пять расследований: три местных и два более широкого масштаба. Четыре из них завершились приговорами обвиняемых. Пятое требовало экс-

традиции и могло затянуться еще на год. Но Даймонд был доволен, что уличил преступника. Неплохой послужной список. Он мог быть более впечатляющим, если бы не шумиха по поводу дела Миссендейла.

Четыре года назад молодой чернокожий Хэдли Миссендейл был осужден за убийство во время ограбления жилищно-кооперативного товарищества в западном районе Лондона Хаммерсмит. Местный житель, бывший старшина, пытался остановить преступника, но был застрелен выстрелом в голову и умер на месте. Расследование вел детектив-суперинтендант Джейкоб Блейз из столичной полиции. Даймонд, в то время в чине старшего инспектора, являлся вторым человеком в группе. Миссендейл был известен своими воровскими делами и раскололся на допросе у Даймонда. А через два года, когда Даймонд получил повышение и стал суперинтендантом полиции Эйвона и Сомерсета, другой тип, прозрев и обратившись к Богу, признался, что это он совершил преступление и предъявил пистолет, из которого застрелил жертву. Назначили новое расследование другими полицейскими, после которого Хэдли Миссендейла, отбывшего двадцать семь месяцев из своего пожизненного срока, освободили по ходатайству министра внутренних дел.

Пресса, разумеется, набросилась на полицию. Таблоиды открыто обвиняли Даймонда и Блейза в том, что они выбили признание у невиновного чернокожего молодого человека. Обоим неминуемо грозило служебное расследование.

Джейкоб Блейз, не выдержав напряжения, взял вину на себя и ушел в досрочную отставку. Тогда журналисты переключились на Даймонда. Пресса требовала расправы, но он достойно держался перед комиссией. Неизвестно, как повлияло на комиссию его упорное сопротивление критике. Считалось, что у него не было шансов на успех, поскольку главным обвинением являлось то, что он, благодаря своей напористости, добился ложного признания. Но Даймонд отчаянно защищал на слушаниях свои интересы.

Через восемь месяцев комиссия все еще не обнародовала выводов. Сам же Даймонд каяться не собирался и готов был жестко поспорить с любым, кто решился бы осудить его поведение. Но таких не находилось – обвинения сыпались лишь с безопасного расстояния. Ответом же Даймонда было стремление доказать, что он хороший детектив. И этим он довольно успешно занимался между появлениями в Лондоне. Серия расследований в Эйвоне велась грамотно, без намека на какие-либо угрозы и запугивание.

На новом месте приходилось непросто. Сотрудники отдела оказывали Даймонду профессиональную помощь, однако на личном уровне они его не приняли. С одной стороны, он был детективом из Скотленд-Ярда, родная стихия которого – городские улицы, что не могло не вызвать скептицизма у сыщиков, всю свою карьеру служивших в провинции, на земле Юго-Западной Англии. А с другой – нехстати разразилась история с Миссендейлом.

Но несмотря на все отвлекающие моменты, работа должна идти своим чередом. Даймонд научился жить в состоянии стресса. В отделах по расследованию убийств так бывает всегда: в первые часы нервы старшего детектива подвергаются жестокому испытанию. Процесс напоминает ту «странную войну» между сентябрем 1939 года и маем 1940-го, когда ничего не происходило. Задействованы дорогостоящие ресурсы. Люди требовались в других местах. Сколько времени можно обоснованно отрывать сотрудников от дел, если нет результата? Разумеется, офицеры управления уголовных расследований считаются главными сыщиками и при различных обстоятельствах пользуются помощью тех, кто носит полицейскую форму. Они не ограничены рамками рабочего дня, более мобильны и независимы. Если кто-нибудь пропал или найден труп, могут, щелкнув пальцами, получить подкрепление. Но это вызывает возмущение. Оно встроено в систему и проявляется на любом уровне, хотя на высших незаметнее, чем на остальных. Но возмущение реально, и с этим приходится мириться.

Даймонд научился общаться с противниками, словно снова играл в регби. Он доказал, что человека с таким резким, напористым характером непросто остановить. В компьютерных «электронных прибабасах» упрямо видел лишь способ помочь подлинному детективному расследованию. Окружающие его карьеристы считали чудом или издевательством, что звание суперинтенданта досталось человеку с острым

языком и довлеющим над головой расследованием по делу Миссендейла. Им было невдомек, что грубоватая прямота Даймонда выгодно выделялась на фоне злостных сплетников.

Пока рано было предсказывать, мог ли он завоевать уважение в полиции Эйвона и Сомерсета. Очернители Даймонда утверждали, будто его успехи объяснялись помощью платных информаторов. Они не могли его судить за то, что он пользовался услугами стукачей, но с нетерпением ждали момента, когда ему придется вести расследование, не опираясь на оплачиваемую поддержку.

И возможно, Чу-Вэлли – тот самый случай.

Воскресенье принесло разочарование. Ничего существенного обнаружить не удалось. В понедельник Даймонд записал интервью для Би-би-си и Эйч-ти-ви, которые планировали запустить в эфир в региональных блоках после ранних вечерних новостей. Показали рисованный портрет утопленницы, а затем стоящий у озера Даймонд попросил помочь установить ее личность и сообщить, не замечено ли в последние три недели в данном районе что-либо подозрительное. Дело ненадежное, признался он позднее телевизионщикам – просто способ для всех зевак из Чу-Вэлли выпустить пар и насладиться острыми, хотя и не из первых рук, ощущениями, – но попробовать все равно следует. Тридцатисекундный сюжет на экране может принести больше пользы, чем недель-

ное хождение по домам.

Вечером, пока продолжались звонки, Даймонд набрал номер Джека Мерлина и поинтересовался, каковы результаты лабораторных исследований.

– А на что вы надеялись? – произнес тот кротким, но доводящим до бешенства тоном, словно сам принадлежал к иной, более интеллектуальной форме жизни.

– Достаточно и причины смерти.

– Боюсь, с этим придется повременить, пока не будут получены все результаты. Но и тогда...

– Джек, вы хотите сказать, что эти супертесты еще не закончены? Вскрытие производилось вчера утром, то есть тридцать шесть часов назад.

За свое раздражение Даймонд был наказан лекцией о том, что для гистологического исследования тканей требуется не менее недели и жалобами на загруженность криминалистической лаборатории министерства внутренних дел.

– У них так много работы, что это может занять недели.

– Недели? Вы им сообщили, что мы подозреваем убийство? Неужели там не понимают, насколько это срочно? – Даймонд взял в рот карандаш и стиснул зубами. – Вы еще не готовы определить, утонула она или нет?

– Причина смерти до сих пор неочевидна. – Мерлин прятался за формулировками, которые употреблял, когда давал показания.

– Джек, дружище! – взмолился Даймонд. – Когда пример-

но наступила смерть?

– Сожалею, пока сказать не могу.

– Потрясающе! – Карандаш переломился пополам.

Последовало долгое молчание, а потом Мерлин заявил:

– В данных обстоятельствах я делаю все, что могу, суперинтендант. Не надо на меня давить. Вы должны принять во внимание, что у нас не хватает сотрудников.

– Джек, окажите мне любезность, позвоните, как только придете к какому-нибудь выводу.

– Именно это я и намереваюсь сделать.

Даймонд отшвырнул телефон и оставил висеть под столом. Телефонистка, не говоря ни слова, поставила его на место и убрала огрызки карандаша. Он встал и пошел проверить, нет ли отклика на выступление по телевидению, пихнув по пути картотеку.

– Семь звонивших убеждены, что жертва – Кэндис Милнер, – сообщил заместитель Джон Уигфул. Помолчал, размышляя, нужно ли продолжать, и добавил: – «Милнеры» – сериал на Би-би-си. Кэндис исчезла из сюжета более двух лет назад.

– Боже, дай мне силы! – воскликнул Даймонд. – Что еще?

– Два брошенных мужа. В первом случае жена оставила записку, в которой сообщила, что поехала на неделю развлекаться. Их дом в Чилкомптоне. И отсутствует уже полгода.

– Полгода! Она должна значиться в списке пропавших.

– Да. Но на фото совсем не похожа. Мы решили, что она

нам не подходит.

– Я сам взгляну. Завтра пошли кого-нибудь к этому при-
дурку. А второй случай?

– Перспективнее. Фермер по фамилии Труп из местечка
Чутон-Мендип три недели назад поцапался с женой, и она
свалила с водителем молоковоза. С тех пор муж ее не видел.

– Он не заявил о пропаже?

– Дал время одуматься. Она не первый раз от него бежит.
Взбрыкивала и раньше.

– Как он считает, жена похожа на протрет?

– Я с ним не разговаривал, сэр. Нам позвонила его своя-
ченица. Она думает, что похожа.

Глаза Даймонда чуть округлились.

– Что-нибудь еще о них известно? Жалобы на жестокое
обращение?

Уигфул кивнул:

– Один эпизод – 27 декабря 1988 года. Труп буквально вы-
швырнул жену из дома и не пустил обратно. Заявление по-
дала сестра. Из Бата направили констебля, и он констатиро-
вал побои. Женщина отказалась свидетельствовать против
мужа. Сказала, что это было Рождество.

– Ну и везунчики эти мужья. – Даймонд неодобрительно
тяжело вздохнул и медленно выдохнул. – Что тут скажешь?
Данный эпизод нам с тобой лучше взять на себя. Чутон-Мен-
дип не более пяти миль от озера. Утром я съезжу проведать
свояченицу. А ты выясни, как зовут того доблестного рыца-

ря молочных бидонов.

Уигфул улыбнулся. Он понимал, что любое проявление чувства юмора со стороны суперинтенданта нужно поощрять. Они с Даймондом не стали закадычными друзьями. Уигфула назначили его заместителем в момент хуже не придумаешь – когда разразился скандал из-за дела Миссендейла и газеты запестрели броскими заголовками. Предыдущие несколько месяцев Даймонд эффектно дебютировал в полиции Эйвона и Сомерсета и с помощью инспектора Билли Мюррея, с которым прекрасно поладил, избавил общество от двух убийц. Но через несколько часов после того, как разразился скандал, из главного полицейского управления графства пришел приказ о переводе Мюррея в Тонтон, где появилась вакансия. А его место занял Джон Уигфул из администрации Скотленд-Ярда. Справедливо или нет, Даймонд не сомневался, что его новый заместитель – «шпион», получивший задание сообщать обо всех его просчетах. В отличие от Билли Мюррея, он делал все по инструкции. С трудом сработался с коллегами и до сих пор не установил нормальных отношений с начальником.

– Что-нибудь еще? – спросил Даймонд.

– Много сообщений о том, кто что видел.

– Например?

– Наблюдения, главным образом, касаются тех, кто совершал там пробежки.

– Никаких сообщений о проявлении насилия?

– Нет.

– В конце недели я еще раз выступлю по телевизору. А пока посмотрим, не даст ли нам что-нибудь Чутон-Мендип. Свояченица тоже там живет?

Ее звали миссис Мюриэл Пиэтри. Ее муж Джо владел авторемонтной мастерской рядом с шоссе. Вывеска обещала: «Низкие цены и высокое качество ремонта. Мы вернем вас на дорогу». Полиция, если приходилось расследовать дорожно-транспортные происшествия, частенько туда навевывалась. Нанес визит на следующее утро и Даймонд. Можно было бы послать сотрудника более низкого ранга, но перспектива провести допрос манила сильнее, чем еще одно утро в автомобильном прицепе.

В воздухе витал тошнотворно-приторный запах целлюлозной краски, когда он неуклюже лавировал по узкому проходу между разбитых машин, собирая ржавчину на свой серый в клетку костюм. Даймонд взял с собой сержанта, чтобы тот снял показания.

Миссис Пиэтри стояла на пороге в цветастом платье, какое, видимо, надевала для встречи гостей. Она подготовилась к событию: припудрилась, подкрасила губы, подвела ресницы и брови и подушилась составом, по сравнению с которым автомобильная краска показалась лесной свежестью. Худощавая, темноволосая, немногословная женщина кипела от сознания того, что, по ее мнению, случилось.

– На сей раз я опасаясь самого худшего, – заявила миссис Пиэтри с сильным сомерсетским акцентом, проводя гостей в тщательно убранную гостиную. – Карл ведет себя просто неприлично. Он сотворил с моей сестрой нечто нехорошее. Ужасно! Могу показать вам фотографии, которые муж сделал «Инстаматиком», когда бедная Элли приходила к нам в последний раз. Вся черная от синяков. Надеюсь, вы взгреете негодяя его же собственным методом. Он того заслуживает. Присаживайтесь.

– Вы видели рисунок женщины, которую мы нашли? – спросил Даймонд.

– Вчера вечером в «Пойнт-Уэст». Элли, никаких сомнений.

– У сержанта Буна есть копия рисунка. Посмотрите еще раз. Только имейте в виду: это всего лишь набросок художника.

Миссис Пиэтри вернула его, почти не взглянув:

– Богом клянусь!

– Какого цвета волосы вашей сестры?

– Рыжие. Потрясающие – огненно-рыжие. Самое лучшее, что в ней было. И совершенно натуральные. Женщины тратят целое состояние, чтобы их покрасили в такой цвет в парикмахерских, но не могут добиться и половины результата.

Упоминание о сестре в прошедшем времени свидетельствовало о том, что миссис Пиэтри считала, что та умерла.

– Вы сказали, огненно-рыжие волосы? – произнес Дай-

монд. – Это значит красные?

– Естественные – вот что я сказала. Красных волос нет ни у кого. Разве что у панков и поп-звезд.

– Мне необходимо знать.

Миссис Пиэтри показала на стоявшую на комодке резную шкатулку из розового дерева:

– Примерно такого цвета.

– Какие у нее глаза?

– Люди говорили, что карие. А мне всегда казались зелеными.

– Рост?

– Как у меня. Пять футов, семь дюймов.

– Возраст?

– Сейчас... Элли родилась через два года после меня. На день Святого Георгия. Значит, тридцать четыре.

– Ваш муж ее фотографировал?

– Не лицо. Ноги со стороны спины, где ее благоверный насажал ей синяков. Чтобы была улика, если бы она надумала разводиться. Вряд ли у меня найдется снимок ее лица. Разве что с тех времен, когда мы девчонками учились в школе. В нашей семье не любят фотографироваться.

– Но у вашего мужа есть фотоаппарат.

– Для работы. Снимает повреждения машин на случай, если начнут возражать страховщики.

– Понятно.

– Это ему пришло в голову щелкнуть ноги Элли.

– Заснять повреждения.

– Если хотите, могу найти.

– Не сейчас. А как вы узнали, что ваша сестра пропала?

– Мы живем рядом, и она заглядывала утром по вторникам поболтать. А в прошлый вторник не появилась. Тогда я позвонила этому придурку, шурина, и спросила, что случилось с сестрой.

– А он?

– Понес околесицу, будто она слиняла с мистером Мидлтоном, развозчиком молока. Мол, твоя сестра бесстыжая, как вавилонская блудница. В общем, опять обзывался.

– Когда это предположительно произошло?

– Он сказал, в понедельник, две недели назад. Я не поверила ни единому слову и оказалась права. Бедная овечка, с тех пор лежала мертвая на дне озера. Хотите, я приеду опознать ее?

– Наверное, в этом не будет необходимости.

– Вы арестуете этого мерзавца?

– Я хочу, чтобы вы подписали письменное заявление, миссис Пиэтри. Сержант вам поможет. – Даймонд поднялся, вышел из дома и связался по рации с инспектором Уигфулом.

– Есть новости?

– Да, – ответил тот. – Я рядом с коттеджем молочника.

– Мидлтона?

– Да.

– И что?

– Дверь мне открыла Элли Труп.

Глава пятая

Любой детектив знает, что в современной полиции загадка убийства редко решается блестящим применением дедукции на основе улик, которые ставят в тупик менее талантливые умы. Если только личность преступника не очевидна и расследование не завершается в первые часы, предстоит трудоемкий процесс, требующий многочасовой работы сотрудников полиции, экспертов и офисных служащих. Ответственность лежит на многих индивидуумах, и если случаются промахи, их могут вызвать административные проволочки, неверные заключения и даже роковые ошибки. В наши дни детективное расследование – отнюдь не трамплин для искателей славы.

После бесплодного допроса миссис Пиэтри Даймонд вернулся в передвижной штаб и снова, грохоча, начал вышагивать по полу. Вновь потребовал список пропавших в Эйвоне, Сомерсете и соседних районах. Заметив, что список не обновлялся с тех пор, как он держал его в руках в последний раз, выплеснул раздражение на сотрудницу. Обвинил в погрешностях в списке, которые были явно не ее виной, довел девушку до слез и почувствовал, как накаляется атмосфера.

Ее могло разрядить появление Уигфула. Луч света их сыскной команды, как называл его Даймонд, Уигфул находил для каждого слова поддержки и знал по именам не толь-

ко полицейских, но и всех штатских. Всегда был готов подставить плечо. Много улыбался, но даже когда не улыбался, казалось, светился улыбкой – такое впечатление возникало из-за закручивающихся кончиков его пышных усов. От одного вида инспектора, который, поигрывая ключами, поднимался по ступеням, Даймонд разразился новой тирадой:

– А ты, я смотрю, не спешил!

– Прошу прощения, сэр, – произнес Уигфул. – Миссис Труп немного не в себе. Ей требовался совет.

– Джон, – если у тебя есть желание вступить в ряды консультантов по вопросам брака и успокаивать рыдающих жен, флаг тебе в руки! Я же занимаюсь расследованиями преступлений. Если у тебя нет склонности к данному ремеслу, скажи прямо сейчас, чтобы я попросил прислать человека, на которого бы мог положиться.

– Ее избил муж, сэр, – заметил инспектор. – Я уговаривал потерпевшую на сей раз написать заявление.

– Занимаешься социальной помощью? – Это было сказано таким тоном, словно Даймонд говорил о болезни, подхваченной из-за несоблюдения правил гигиены. – Ты обязан заниматься расследованием. Почему я должен торчать здесь один как пень и ждать у моря погоды?

– Есть какие-нибудь сдвиги?

Даймонд треснул кулаком по коробке со скрепками для бумаг:

– Какие могут быть сдвиги, если ты сидишь в Чутон-Мен-

дип, распиваешь кофе и слушаешь стенания дамочки? Три дня, а результат один – моя сгоревшая на солнце плешь. Мы останемся в заднице до тех пор, пока как-нибудь не наречем труп.

– Давайте взглянем еще раз на список пропавших? – неудачно предложил инспектор.

У всех присутствующих в штабе застыли от напряжения плечи, но, как оказалось, напрасно. Даймонд решил, что уже поднял свое кровяное давление до опасного уровня и перешел в средний голосовой регистр, который, как он знал, не менее эффективен, чем вопли.

– Этим я и пытаюсь заниматься!

– Только по данному региону?

– И по Уилтширу. – Даймонд прихлопнул ладонью пачку тонких листов. – Проклятый список каждую неделю удлинняется на семьдесят с лишним позиций.

Уигфул кашлянул:

– Нам сможет помочь НПКЦ.

Даймонд задумался. Его мозг плохо расшифровывал аббревиатуры. А у человека, лучше его знающего, хватило бы такта не предлагать в помощники Национальный полицейский компьютерный центр.

– Да уж! – презрительно бросил он. – Выдав двадцать тысяч фамилий.

– Количество можно ограничить, если ввести имеющиеся у нас данные, – объяснил инспектор. – В нашем случае: жен-

щины, до тридцати лет, рыжеволосые.

Вообще-то Даймонд понимал, чем занимается компьютерный центр, иначе не удержался бы в управлении уголовных расследований. Протестовал он против того, чтобы считать электронику панацеей от всех бед.

– Сейчас мы работаем со списками графств, – заявил он. – Прошу обновить все, что я пометил. Звони в региональные полицейские участки. Получай описания, реальные описания, а не чертовы данные, как ты привык говорить. Я хочу знать, что собой представляли эти люди. Результат должен появиться к половине четвертого. На это время я назначаю совещание.

– Отлично, сэр.

– Отлично или нет, это мы увидим. Тебе может показаться, будто я придираюсь к мелочам, мистер Уигфул. Но где-то за стенами фургона бродит убийца. Мы же почти никуда не продвинулись в своем расследовании. Черт возьми, даже не выяснили, каким способом совершено преступление.

– У меня такое впечатление, что компьютерный центр нам все же потребуется, – не отступал инспектор.

Даймонд отвернулся, пробормотав, что надо тщательнее проверять сообщения, поступающие в ответ на напечатанную в газетах просьбу о помощи в опознании трупа. Рисунок неизвестной опубликовали в понедельник в «Бат ивнинг кроникл» и «Бристоль ивнинг пост».

– А мы получаем бред о Кэндис Милнер, – продолжил

он. — Свидетельство о современных ценностях в обществе, когда люди не способны отделить реальность от паршивой мыльной оперы. — Потребовался бы прорыв космического масштаба, чтобы унять его раздражение.

Не желая слышать постоянного треньканья телефонов, Даймонд собрал совещание в припаркованном рядом с фургоном микроавтобусе. В половине четвертого в салоне в неловкой близости друг от друга собрались четверо главных сотрудников группы и по очереди доложили, что удалось обнаружить.

Общение Уигфула с телефоном принесло кое-какие результаты: он получил более детальное описание трех пропавших женщин, чья внешность в общих чертах совпадала с той, что обнаружили в озере.

— Дженет Хеппл, разведенная, тридцати трех лет, подрабатывающая моделью у художников. Волосы рыжие, рост пять футов семь дюймов. Покинула квартиру семь недель назад, не заплатив арендную плату, и с тех пор ее не видели. Такое на нее не похоже. Все отзываются о ней как о честной женщине, на которую можно положиться.

На Даймонда информация не произвела впечатления.

— А другая?

— Сэлли Шептон-Хоу из Манчестера. Пропала 21 мая — поругалась с мужем и убежала из дома. Продавец косметики в городском универмаге. Волосы описывают как золотисто-каштановые, глаза зеленые, тридцати двух лет, миловид-

ная. Женщину соответствующей наружности в тот вечер видели в районе Кнутсфорд, на шоссе. Голосовала, ловя машину, следующую в южном направлении.

– Уточни. Что еще?

– Странный случай. Писательница из Западного Лондона, из Хоунслоу. Сочиняет романы. Как называются книги, которые постоянно покупают женщины?

– Исторические мелодрамы, – предположил кто-то.

– Нет, по названию издательства.

– Спросите кого-нибудь другого. Я читаю только научную фантастику.

– Так вот, она сочиняет эти самые книги. А зовут ее Мэг Зуммер.

– Зуммер? Это псевдоним?

– Настоящая фамилия по третьему мужу.

– Третьему? – удивился Даймонд. – Сколько же лет дамочке?

– Тридцать четыре. Ведет себя так, словно сама персонаж из своих романов. Темно-зеленая накидка, длинные волосы. Они у нее цвета конского каштана. Ездит на спортивном «Эм-Джи», ищет сюжеты для своих книжонок.

– Слушай, Джон, может, тебя разводят? – предположил Кит Холлиуэл, инспектор, курирующий опрос местных жителей.

– Никому бы не посоветовал, – мрачно буркнул Даймонд. – Мы ищем убийцу, а не на вечерней гулянке в пабе.

Что еще по ней? Когда миссис Зуммер видели в последний раз?

– Девятнадцатого мая на вечеринке в Ричмонде. Она ушла вскоре после полуночи с мужчиной, судя по всему незванным гостем. Все решили, будто он явился с кем-то еще. Темноволосый, примерно тридцати лет, крепкого телосложения, говорил с французским акцентом.

– Прямо герой из ее романа, – прокомментировал Холлиуэл. – А он на чем ездит? На «Порше» или на четверке лошадей?

– Замолчи! – крикнул Даймонд. Он считал Холлиуэла сущим наказанием и поэтому поручил ему опрос жителей. – Кто был информатором?

– Соседка, сэр. Она каждый день забирала ее молоко, пока у нее не переполнился холодильник.

– Ей уже показывали рисунок?

– Сейчас делается. А Скотленд-Ярд запрашивает у дантиста ее карту.

– Модель, продавщица и писатель, – усмехнулся суперинтендант.

– Все пропавшие – рыжеволосые женщины, примерно соответствующие нашему описанию, сэр.

– Я надеялся, вы выясните больше!

– При всем уважении к вам, – парировал Уигфул, – больше бы выяснил компьютерный центр.

Последовало неловкое молчание, а затем Даймонд кив-

нул:

– Займись.

Инспектор победно посмотрел на Холлиуэла.

– И коль скоро мы решили шире забрасывать сеть, давайте расширим и базу данных.

Присутствующие на совещании, не ожидавшие профессионального оборота от «последнего детектива» оторопели.

– В каком ключе? – невинно поинтересовался Уигфул.

– Введем брюнеток. Люди по-разному понимают, что такое рыжие волосы. Наша женщина – не то, что называют огненно-рыжими. Ее волосы рыжевато-каштановые.

– Больше рыжие, чем каштановые, сэр.

– Кто-то может назвать их каштановыми. Проверьте в компьютерном центре также брюнеток.

Совещание продолжалось еще двадцать минут и разочаровывающе констатировало, что ни опросы жителей, ни обращения в прессе ничего существенного не выявили. Когда участники вылезли из микроавтобуса и разминали ноги и руки, к Даймонду подошел инспектор Кроксли – немногословный амбициозный человек, по собственному мнению, восходящая звезда. Он координировал поиски вокруг озера.

– Я не стал говорить при всех, сэр, но вот что пришло мне в голову. Мы решили, что имеем дело с убийством, поскольку труп голый. Но на нем не обнаружено никаких следов насилия.

– Пока не обнаружено. Заключение патологоанатома еще

не поступило.

– Если окажется, что утонувшая – писательница, как вы считаете, сэр, не могло это быть самоубийством?

– Почему?

– Я видел телепередачу, сэр. Не игровую – документальную – об одной известной писательнице. Она, как мне представляется, повредила рассудком и покончила с собой, войдя в реку. Это случилось в 1940 году. Женщина утонула. Мы знаем, что эта дамочка Зуммер неизвестно что о себе возомнила – и то, как она одевалась и все такое. Предположим, она впала в депрессию и решила расстаться с жизнью. Разве конец в озере не в ее стиле? Театральный жест.

– Уходить из жизни голышом? А та женщина из телепередачи тоже разделась, прежде чем нырнуть в реку?

– Нет, сэр.

– Получается «золочение лилии».

– Не понял, сэр?

– Этот театральный жест – улучшить и без того хорошее.

– Похоже на то. Я лишь предположил.

– В пользу твоей версии, инспектор, свидетельствует вот что: я слышал о нескольких случаях, когда самоубийцы оставляли одежду на берегу. Подобное случается. Например, член парламента от лейбористов... как бишь его...

– Стоунхаус.

– Вот именно. Разница в том, что он имитировал самоубийство. Хотел, чтобы люди, обнаружив его одежду, реши-

ли, будто он утонул. Тогда была одежда, но не было трупа, в нашем случае есть труп, однако нет одежды. Найди мне женские тряпки, включая длинную зеленую накидку, и я приму твою версию. – И Даймонд с важным видом двинулся в сторону мобильного штаба.

Во время долгого лета, когда Питер был не слишком загружен расследованием, он покупал на ланч сэндвичи и садился среди туристов на деревянную скамью в церковном дворе аббатства Бата – открытом мощеном пространстве напротив западного фасада. Там Питер проводил двадцать приятных минут, читая «Фабиана Скотленд-Ярдского» – книжонку по мотивам телесериала, которую купил за 10 пенсов в магазине Оксфордского общества помощи голодающим. Хорошее имя – Скотленд-Ярдский. Недаром многие великие детективы от Фреда Черрилла до Джека Слиппера воспользовались им в заглавиях своих мемуаров. Даймонд Эйвонский и Сомерсетский совсем не то. Хорошо, что он не рвется на страницы книг.

Во время перерывов на ланч Даймонд поднимал голову от текста и смотрел на огромное окно между двумя башнями, украшенными резьбой шестнадцатого века. Ангелы на ведущих в небо лестницах, на его взгляд, больше возбуждали любопытство, чем служили элементом украшения. Побитые непогодой фигуры располагались на ступенях с математически точными интервалами. Многие считали их символом лестницы Якова. Хотя официальная версия гласила, что

это лестница Оливера Кинга, поскольку епископ с данным именем, начавший в 1499 году восстановление храма, утверждал, будто видел во сне тянущуюся в небеса лестницу. А кто усомнится в искренности слуги Божьего? Одинаковые, если не считать изъянов от ветра, дождя и загрязнения воздуха, эти несчастные ангелы олицетворяли скорее крушение надежд, чем обещание царствия небесного. Питеру Даймонду было знакомо это чувство. Однажды, глядя на западный фронтон, он сам удостоился откровения и увидел на ступенях лестницы себя в роли главного сыщика Эйвона и Сомерсета. С тех пор это видение часто возвращалось к нему.

Утром в среду раздался звонок от патологоанатома доктора Мерлина. Даймонд без всяких на то причин начал день в хорошем настроении. Он пересек помещение и поблагодарил девушку, которая протянула ему трубку.

– У нас потрясающая погода. А как дела у вас в Рединге?

– Я все-таки добил ради вас лабораторию. – По голосу было ясно: патологоанатом удивлен добродушию собеседника. – Мне неофициально предоставили кое-какие предварительные результаты.

– И?

– Не обнаружено ничего такого, что бы позволило с определенностью установить причину ее смерти.

– Вы называете это результатом?

– Подтверждением моего предварительного суждения.

– Нисколько в этом не сомневался.

Отсутствие сомнения у Даймонда не закрыло вопрос для патологоанатома.

– Тем не менее существует вероятность, что она утонула.

Суперинтендант вздохнул:

– Джек, это мы уже проходили. Неужели нам никуда не удалось продвинуться, чтобы установить причину ее смерти? Скажем так, – быстро добавил он, не желая, чтобы собеседник бросил трубку: – Могу я что-нибудь исключить? Например, отравление?

– Рано утверждать. Но вы должны иметь в виду, что у утопленников буквально через пару минут – особенно если смерть наступает в пресной воде – из-за осмотической абсорбции через легочные мембраны происходит значительное, иногда до ста процентов, увеличение объема крови. От чего, также до ста процентов, снижается концентрация в крови содержания наркотиков или алкоголя. Посмертный анализ может открыть лишь половину истинной картины того, что происходило с организмом до смерти.

– Джек, предположим, что она не утонула и в озеро ее бросили уже мертвую. Есть ли что-нибудь такое, что могло бы указать на причину ее смерти?

– Она была в сущности здоровой молодой женщиной. Следовательно, можно исключить коронарно-артериальное заболевание, миокардит, диабетическую кому или эпилепсию.

– Господи! – крикнул Даймонд – У меня впечатление, что вы что-то знаете, но держите меня в подвешенном состоянии.

– Я все это рассказываю, потому что иначе мое заключение будет носить в лучшем случае самый предварительный характер. Во время вскрытия я обнаружил точечные кровоизлияния в глазных яблоках, на коже головы и в меньшей степени в мозгу и в легких. Наличие петехиальных кровоизлияний может объясняться различными причинами в зависимости от иных факторов.

– Хорошо, хорошо, я понял: вы не уверены на все сто. Но на что бы вы поставили монету?

По тону суперинтендант понял, что Мерлину не понравилось сравнение его работы с тотализатором.

– Поскольку отсутствуют внешние повреждения, приходится принимать в расчет...

– Ну же, приятель!

– В качестве причины смерти – асфиксию.

– Асфиксию?

– Теперь понимаете трудности? Утопление есть форма асфиксии.

Даймонд застонал:

– Но я только что исключил утопление!

– А я нет. – Мерлин, помолчав, продолжил: – Существует такое явление как сухое утопление.

Даймонду на мгновение пришло в голову, уж не издевает-

ся ли над ним патологоанатом.

– Я правильно расслышал: сухое утопление?

– Подобное происходит в одном случае из пяти. С первым глотком воды возникает спазм гортани жертвы, и в легкие попадает совсем немного жидкости. Люди тонут, почти не нахлебавшись воды. Вот вам и сухое утопление.

– А при чем тут найденные вами кровоизлияния?

– Они обнаруживаются при любой форме асфиксии.

– Значит, она все-таки могла утонуть? Это мне мало что дает. – Даймонд снова закипал. – Это не несчастный случай на воде. В озере плавать запрещено. Ее нашли голой, на руке отсутствовало обручальное кольцо.

– Вы меня слушаете? – спросил Мерлин.

– Продолжайте!

– Отвечаю на ваш вопрос: если исключить утопление, наркотики и алкоголь, наиболее вероятная версия такова: до того, как она оказалась в воде, ее задушили мягким предметом, скорее всего подушкой.

– Ну вот, мы к чему-то пришли! – воскликнул Даймонд.

– Я этого не сказал, – возразил патологоанатом. – Просто пытаюсь сопоставить возможности. Убийство удушением подушкой трудно констатировать даже в более благоприятных ситуациях.

– Вы то же самое говорили об утоплении. Иногда мне кажется, вас будут одолевать сомнения, даже если обнаружите в сердце трупа кинжал. – Даймонд повесил трубку и окинул

взглядом подчиненных. – Где, черт возьми, Уигфул?

– На улице, сэр, – ответил сержант. – Приехали журналисты.

Суперинтендант выругался и покинул временный штаб.

– Хорошо бы оказаться снова в городе, – проговорила одна из сотрудниц.

– Почему? – удивился сержант.

– Он меня пугает. Мне неприятно находиться рядом с ним. В этом тесном караване от него никуда не деться. В настоящем штабе хотя бы больше места. И еще Даймонд все ломает. Видели? Картонные стаканчики, карандаши – все, что попадет под руку. Он действует мне на нервы.

Сержант усмехнулся.

– Вот так Даймонд достиг положения, которое занимает теперь, – ломая вещи.

На улице по сигналу суперинтенданта Уигфул свернул пресс-конференцию, и два репортера побрели по берегу мимо сидящих на расстоянии друг от друга рыбаков. Выслушав рассказ начальника о разговоре с Мерлином, инспектор с присущим ему оптимизмом прокомментировал:

– Это большой шаг вперед.

– Вероятно. Но лишь в том случае, если мы узнаем, кто она. – Даймонд помолчал и вдруг признался: – Ничего не зная о ней – как ее зовут, откуда она, – я даже не могу испытывать к ней жалости. Мне следует переживать по поводу того, что приключилось с жертвой, но у меня не возникает

подобного чувства. Она просто труп, одного этого недостаточно.

– Кое-что нам все-таки известно, – возразил Уигфул. – Женщина была замужем, следила за собой. Она не бродяга.

– Я постоянно это твержу. Ее должны были хватиться. Прошло более двух недель. У нее должны быть друзья, родственники, коллеги. Куда они подевались?

– Я занялся пропавшими женщинами, о каких мы говорили вчера, и получил длинный список брюнеток, которых стоило бы проверить.

Даймонд в сердцах поддел ногой пихтовую шишку.

Они повернули назад, но прежде чем оказались в огороженном лентой пространстве, где стояли черно-голубые полицейские автомобили, к фургону временного штаба подкатил мотоциклист. Он вошел внутрь, но там ему, очевидно, сообщили, где искать начальство, и он, снова появившись на пороге, направился к Даймонду и протянул коричневый пакет из управления полиции Бристоля.

– Не иначе приказ о моем повышении! – сострил суперинтендант, открывая клапан. Внутри оказалась ксерокопия схемы. – Ошибся. Это стоматологическая карта миссис Зуммер. С сожалением, мистер Уигфул, сообщаю, что твоя эксцентричная писательница имеет два лишних зуба мудрости. На две штуки больше, чем у нашей озерной дамы.

Позднее в тот же день было принято решение свернуть лагерь. Опрос местных жителей и поиски по берегу водоема

завершились. Эксперты давно уехали. Настало время перемещаться в Бристоль.

Мошка роилась над водой тучами, когда последняя полицейская машина покинула берег озера и направилась через Бишоп-Саттон к шоссе.

– Знаешь, что меня больше всего удручает в этом месте? – спросил с заднего сиденья Даймонд.

Джон Уигфул покачал головой.

– Чертовы рыбаки. Они видели наш позор.

Когда кортеж миновал Уитчерч, поступил вызов по радиации. Говорил дежурный сержант полицейского участка на Мэнверс-стрит в Бате:

– Не знаю, важно это или нет для вашего расследования, сэр. Сюда пришел мужчина и заявил, что у него пропала жена. Ее зовут Джеральдин Сноу.

– Снусер?

– Сноу. Джеральдин Сноу.

Рядом на сиденье Уигфул открыл рот, но суперинтендант предостерегающе поднял руку.

– Ей тридцать три года, и муж утверждает, что у нее золотисто-каштановые волосы, – добавил сержант.

– Когда он видел ее в последний раз?

– Три недели назад.

Даймонд с выражением почти благоговейной благодарности воздел к небесам глаза.

– Он еще у вас?

– Да, сэр.

– Не отпускайте его! Задержите! Как его зовут?

– Профессор Джекман.

– Профессор? Вы говорите, что его фамилия Джекман, он муж пропавшей, но ее, как вы сказали, зовут Сноу.

– Она известна под данным именем. Эта женщина актриса. Звезда. Вы смотрели по телевизору сериал «Милнеры»? Джеральдин Сноу играет роль Кэндис.

Даймонд так сильно ухватился за ручку дверцы, что она не выдержала и сорвалась с креплений.

Глава шестая

Звезда мыльных опер должна где-то жить, так почему бы не в Бате – этом безупречно чистом городе на юго-западе страны? Расположенные между семью зелеными холмами изящные волнообразные вереницы построенных в георгианском стиле таунхаусов отвлекают взгляд от всего менее живописного. Чистка камня – второе по прибыльности занятие в городе после туризма. «Желтые страницы» перечисляют пятьдесят четыре фирмы такого профиля. Мойки высокого давления превращают почерневшие дома в сияющие декорации для телевизионных постановок, смысл которых показать всему миру, что британская нация – лучшая. Из двухтысячелетней истории Бат признает только римский и георгианский периоды. Хотя утверждают, что это место – лишь тематический парк, а если кому-то хочется увидеть настоящий город, то нужно проехать еще тринадцать миль на запад до Бристоля. Но тогда – как это знакомо Питеру Даймонду – придется пострадать от проклятия современного мегаполиса – автомобильного движения. Даймонд был доволен, что поселился в Бате. Тут тебе и поп-звезды и чистые дома.

Его дом находился на Уэлс-уэй, всего в двадцати минутах ходьбы от тянувшейся южнее железной дороги. Не самый живописный район, но ничего лучшего главный местный детектив позволить себе не мог.

Даймонд почти пританцовывал, когда шел через автомобильную стоянку и поднимался по ступеням в полицейский участок на Мэнверс-стрит. Он успел забыть, какими словами назвал тех, кто позвонил и сообщил, что утонувшая женщина на рисунке – телевизионная звезда. Не терзался из-за собственных прошлых ошибок. На карту поставлено нечто большее, чем его самооценка. Главное в расследовании – не упустить возможность. Вот убрался с этого проклятого озера, и удача повернулась к нему лицом.

Его встретил знакомый дежурный сержант.

– Профессор здесь?

Сержант кивнул и молча указал в сторону двери. Суперинтендант чуть понизил голос:

– Как он держится?

– Очень тревожится о жене, сэр.

– Еще бы, ведь прошло уже три недели.

– Он сказал, что его долго не было дома. Считал, что жена у друзей.

– И до сих пор тянул, прежде чем начать розыск? Какое у тебя о нем сложилось впечатление?

Сержант пожевал губами, словно не знал ответа на вопрос:

– Я не такими представлял профессоров.

– Не все похожи на Эйнштейна. Он сказал правду о жене?

Вот что меня интересует.

– Похоже, правду. Иначе зачем сюда явился?

Суперинтендант ответил взглядом, который говорил, что причин тому может быть множество.

– Профессор слышал, что в озере Чу-Вэлли найдена мертвая женщина?

– Друзья сообщили, – кивнул сержант.

– Видел рисунок, который мы распространяли?

– Не упоминал.

– Хорошо. Нечего стоять столбом – очень много дел. Предлагаю устроить штаб здесь. Мы направлялись в Бристоль, но появление профессора многое изменило. Организуй все, что положено. И пришли кого-нибудь для записи показаний.

С уверенным видом человека, занимающегося любимым делом, Питер распахнул дверь кабинета, где ждал потерявший жену профессор.

– Меня зовут Даймонд. Детектив суперинтендант Даймонд.

Сразу стало очевидно, что имел в виду сержант. У стоявшего у окна мужчины был вид не профессора, а спортсмена. Словно он только что принял душ и переоделся после пяти сетов в Уимблдоне. Даже если согласиться, что эффект усиливали накладные плечи черного льняного пиджака, за ученого принять его было трудно. Ему было лет тридцать. Расстегнутый ворот небесно-голубой рубашки без галстука демонстрировал двойную золотую цепь на груди. Густые черные волосы подстрижены в дорогой парикмахер-

ской, усы подкручены в мексиканском стиле. Нынешняя молодежь знает толк в финансовых рынках. А вот кончают ли они университеты – еще вопрос.

– Грегори Джекман, – произнес мужчина. У него был чистый йоркширский выговор. – У вас есть новости о моей жене?

Даймонд не стал отвечать на вопрос.

– Вы профессор Батского университета?

Джекман наклонил голову.

– По какой специальности?

– Английский язык. Послушайте, я здесь по поводу моей жены.

Появилась женщина-констебль с блокнотом для стенографии.

– Не станете возражать, если она будет делать записи?

– Нет. С какой стати?

– В таком случае садитесь. Сначала для протокола: вы не обязаны говорить ничего такого, что сами не пожелаете сказать, но все, что вы скажете, может быть представлено в качестве доказательства. А теперь расскажите о вашей жене.

Джекман, не сделав ни шагу к стулу, остался стоять.

– Полчаса назад я все объяснил в дежурной части. Там записали детали.

– Отнеситесь ко мне с терпением, – попросил суперинтендант с нарочитой обходительностью. – Я занимаюсь данным делом и предпочел бы все услышать от вас, а не читать

в журнале регистрации происшествий. Как ее имя?

Профессор вздохнул и сел.

– Джеральдин Джекман, больше известная как Джерри Сноу. Это ее актерский псевдоним. Через неделю или две ей исполнится тридцать четыре года, если только... Господи, мне страшно об этом подумать!

– Будьте добры, опишите ее, сэр.

– Разве в этом есть необходимость? Вы, наверное, видели ее по телевизору. «Милнеры». Помните? Если нет, то вряд ли пропустили рекламу пива с девушкой и бульдогом. Это и есть она. После того как ушла с Би-би-си, несколько раз Джеральдин снималась в рекламных роликах.

Последовала короткая пауза. Даймонд так внимательно изучал выражение лица собеседника, что пришлось прокрутить в голове последнюю фразу, чтобы уловить смысл.

– Я редко смотрю телевизор. Допустим, что я никогда не видел вашу жену. Какого цвета ее волосы?

– Рыжевато-каштановые. Красновато-коричневые.

– Сержанту вы сказали, золотисто-каштановые.

– Пусть будут золотисто-каштановые. – Тон взлетел вверх, что свидетельствовало о том, какое напряжение испытывал профессор. – Вы пытаетесь подловить меня? Не забывайте, я здесь не потому, что меня привели на допрос. Моя жена пропала, и мне сказали, что, возможно, ее нет в живых.

– Кто?

– Те, кто ее прекрасно знает и видел рисунок, который

вы показывали по телевидению. Сказали: на рисунке – она. Связывались с вами.

– Не со мной лично. В ответ на нашу просьбу предоставить информацию нам позвонили много людей, – объяснил Даймонд. – Требуется время, чтобы проверить каждый звонок. Но теперь, когда появились вы...

– Я хочу знать, где та женщина, которую вы нашли?

– В городском морге Бристоля. Давайте не будем спешить с выводами. Вам нет необходимости ехать туда, если обнаружится, что внешность той женщины не совпадает с внешностью вашей жены.

Суперинтендант терпеливо вытягивал из Джекмана информацию, и обнаруживалось, что все черты двух женщин сходились.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– В понедельник три недели назад.

– Это получается 11 сентября?

– М-м-м... да. Я рано уехал в Лондон. Жена еще оставалась в постели. Я сообщил ей, когда предполагаю вернуться, и поспешил на поезд из Бата в восемь девятнадцать.

– У вас были в Лондоне дела?

– Я отвечал за открываемую в те выходные в Бате выставку, посвященную Джейн Остен. Надо было встретиться с людьми по поводу ее рукописей.

Даймонд не читал ни одного романа Джейн Остен. Он не верил в телевизионных детективов, которые шпарили цита-

тами из Шекспира и в свободное время сочиняли стихи. Его коньком были биографии, предпочтительнее тех людей, чьи имена включали эпитет «Шотланд-Ярдский».

– И эта выставка держала вас вдали от дома целых три недели?

– Нет, нет, я вернулся в среду.

Даймонд выпрямился на стуле и прогнал из головы мысли о Джейн Остен.

– Домой?

– Да.

– Но таким образом вам стало известно, что ваша жена пропала в среду 13 сентября?

– Пропала? Нет! – Профессор сделал жест рукой. – Жены дома не оказалось, но это не давало поводов для беспокойства. Она часто оставалась у друзей.

– И при этом ничего не сообщала?

– Я не надсмотрщик над Джерри.

Ответ неприятно удивил Даймонда.

– Но вы ее муж, и подразумевается, что хотели бы знать, где находится жена.

– Я не настаивал. – Профессор Джекман помолчал, но все-таки решил, что необходимо объяснить: – Мы вели достаточно независимые друг от друга жизни. Каждому требовалось собственное пространство. Мы поженились с таким условием, и если Джерри не появлялась дома день или два, я не бежал с заявлением в полицию.

– Мы говорим не об одном или двух днях, сэр. У вас было три недели, чтобы известить нас. – Даймонда не устроило объяснение Джекмана. Тот говорил складно, что естественно для профессора словесности, однако не мог опровергнуть факта, что подозрительно поздно обратился в полицию с заявлением о пропаже жены.

– Все то время я находился дома не постоянно, – произнес Джекман. – Хлопотал по поводу организации следующей сессии. Ездил в Лондон, Оксфорд, Рединг. Я состою во многих комитетах. Пару дней провел в Париже. Часть лета отдал организации выставки и совсем запустил работу на английском отделении.

– Где, по-вашему, находилась все это время жена?

– Навещала друзей. У нее множество знакомых в Лондоне и Бристоле.

– То есть она не работает?

– Как говорится, на покое.

– Кем говорится?

– Безработными актерами.

– Вот как... – Неожиданно Даймонд вспомнил на скольких могильных камнях читал слова: «Покойся с миром».

Джекман, видимо, что-то почувствовал, потому что решил уточнить:

– Джерри была полтора года вне обоймы. После того как распростилась с Би-би-си, снялась в паре рекламных роликов, но телевизионная работа иссякла.

– Почему? Ее воспринимали только как Кэндис Милнер?
Джекман кивнул:

– И это тоже. Но также потому, что она не получила специального актерского образования. Еще училась в школе, когда ей предложили роль. – Профессор понял, что можно уйти от переживаний настоящего в прошлое, и не преминул воспользоваться возможностью. – То, как ее отобрали, – мечта каждой школьницы. Режиссер заметил в толпе в Уимблдоне. Пришел посмотреть теннис, а любовался Джерри. На вид она была именно такой, какой он задумал персонаж юной девушки в «Милнерах». Исключительно красивой. Помните слезливые сцены в голливудских мюзиклах, когда герои Фреда Астера говорят: «Леди, мне безразлично, кто вы такая. Вы мне нужны для моего шоу»? Нечто подобное произошло с Джерри, когда ей было восемнадцать лет. Роль подправили в соответствии с ее характером, и она играла саму себя. Имя было у всех на слуху, но обратной стороной медали стало то, что она не могла найти себе другую роль.

– Это ее угнетало?

– Поначалу нет. Съемки в мыльной опере, серии которой выходили дважды в неделю, требовали серьезной отдачи сил: заучивание текста, репетиции, запись. Плюс присутствие на открытиях субботних церковных праздников и игры в прятки с репортерами скандальных изданий. Джерри не очень расстроилась, когда ее персонаж исчез из сценария.

– Когда это случилось?

– Два года назад.

– Сколько же времени она играла эту роль?

– Начала в восемнадцать лет, а когда персонаж убрали, ей исполнилось тридцать один год. Бедняжка Джерри! Это было для нее словно гром среди ясного неба. Первый звонок прозвучал, когда она прочитала в сценарии, что Кэндис садится в самолет, он терпит крушение в Альпах и никого из пассажиров не остается в живых. Я помню, как Джерри разозлилась. Сражалась как тигрица, чтобы защитить свою роль. Но режиссер заявил, что больше нет возможности делать вид, будто она инженерю. И Джерри повернулась к Лондону спиной.

Джекман рассказывал с сочувствием, но в то же время в нем чувствовалась нотка отстраненности, словно его жалость была не настолько глубока, как он старался показать. Это не укрылось от Даймонда, который прекрасно улавливал фальшь. Дело оказалось не настолько запутанным, как он сначала представлял. Суперинтендант рассчитывал вскоре разгадать загадку.

Он больше не стал вникать в семейную историю – достал из кармана рисунок выловленной в озере женщины, развернул его и протянул профессору:

– Вот эту картинку показывали по телевидению. Что скажете?

Джекман взглянул и глубоко вздохнул:

– Очень похожа на Джерри.

Через минуту они устроились бок о бок на заднем сиденье полицейской машины и поехали в городской морг.

– Должен предупредить, – произнес суперинтендант, – что тело, которое мы едем смотреть, пробыло пару недель под водой. Для показа изображения по телевидению художник «облагородил» оригинал.

– Спасибо, что сказали.

– Если есть возможность опознать ее по какой-нибудь отметине или шраму...

– Ничего такого не знаю! – бросил профессор, но тут же, словно что-то пришло ему в голову, добавил: – А если окажется, что в морге не она?

Даймонду пришлось сделать над собой усилие, чтобы скрыть эмоции.

– Вы заявили о пропаже жены, идет расследование, и мы начнем его с опознания. Если окажется, что в морге не ваша жена, делом займутся другие.

– Но ведь возможно, что я ошибся?

Даймонд побоялся, что не сдержится, и промолчал.

Они приехали в девять часов вечера, и потребовалось время, чтобы проникнуть внутрь. У сотрудников морга другие приоритеты, чем у полицейских. Наконец прикатил на велосипеде служитель и открыл дверь.

Даймонд не говорил ни слова, он был поглощен наблюдением за Джекманом.

Но вот извлекли тело и открыли лицо.

– Разумеется, я могу рассчитывать на ваше сотрудничество.

Это была первая фраза, которую суперинтендант произнес после того, как они покинули морг. Он специально построил ее так, чтобы она звучала как утверждение, а не как вопрос. Профессор Джекман сидел, наклонившись вперед на заднем сиденье полицейской машины и закрыв ладонью глаза.

– Что? – тихо произнес он.

Даймонд повторил, акцентируя каждое слово, как школьный учитель, который хочет, чтобы его точно поняли.

– Сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам. – Джекман даже не поднял головы.

– Превосходно. – Автомобиль остановился на светофоре, суперинтендант замолчал и продолжил говорить только после того, как они двинулись дальше: – Я организую вам ночлег в «Бофорте», если только вы не предпочитаете другую гостиницу.

На сей раз профессор повернулся к нему:

– Гостиница не нужна. Мне будет лучше дома – поеду домой.

Даймонд покачал головой:

– Исключается.

– Почему?

– Утром я, с вашего разрешения, собираюсь осмотреть

ваш дом. А до того момента он будет оставаться опечатанным.

– Что значит осмотреть?

– Криминалисты, эксперты, отпечатки пальцев – обычные процедуры на месте преступления. Ну, вы понимаете...

– На месте преступления? Вы же не предполагаете, что Джерри убили у меня дома?

– Профессор, в мою задачу не входит предполагать. Я работаю с фактами. Факт номер один: ваша жена мертва. Факт номер два: место, где ее в последний раз видели живой, – ваш дом. Так с чего прикажете начинать?

Выдержав внутреннюю борьбу с аргументами полицейской логики, Джекман в итоге сдался:

– Будь по-вашему. С тех пор как пропала Джерри, я столько раз отлучался из дома, что еще одна ночь под чужой крышей меня не утомит.

– Как вы добрались до полицейского участка, когда сегодня вечером решили заявить о пропаже жены?

– Приехал на машине.

– Где она теперь?

– Надеюсь, на государственной стоянке рядом с участком.

– Ключи у вас?

– Да. – Джекман нахмурился.

– Дайте их мне.

– С какой стати? Вы что, конфисковываете мой автомобиль?

Суперинтендант ободряюще улыбнулся:

– Никакой конфискации – старое надоедливое занятие сбора фактов. Снимем отпечатки протекторов. Затем, если найдем другие отпечатки шин, например напротив вашего дома, то сможем исключить ваш автомобиль.

Даймонд остался доволен тем, как ответил. Все прозвучало вполне логично и не выдало его истинной цели – он хотел, чтобы проверили багажник, не перевозили ли в нем труп. Получив ключи, Даймонд небрежно спросил:

– Вы планируете завтра быть в университете?

– Если завтра в моем доме начнется обыск, я буду находиться там, чтобы следить за всем, что происходит, – заявил профессор.

Глава седьмая

Но случилось так, что следующее утро началось не с обыска в доме профессора Джекмана. В шесть тридцать на прикроватном столике Даймонда пикнул телефон. Суперинтенданта вызывал помощник главного констебля, а сообщение передал дежурный инспектор управления. Даймонду надлежало в восемь тридцать явиться с отчетом к высокому начальству. Он готов был поспорить, что помощник главного констебля вызывает его не для того, чтобы похвалить. И это пробуждало неприятное предчувствие.

Питер снова откинулся на подушку и застонал. Какова бы ни была причина его внезапного вызова, более неудачного утра выбрать было невозможно. Сплошные осложнения! Надо как-то разруливать то, что он планировал накануне. Детективы, полицейские и эксперты в восемь тридцать должны начать осмотр дома Джекмана, но именно в это время ему назначено явиться в Бристоль.

Даймонд сел на постели, снял телефон с прикроватной тумбочки и устроил на одеяле между ног. Жена Стефани, недовольная, что их спальня превращается в полицейский участок, молча натянула халат и пошла вниз ставить чайник. Питер поднял трубку и сделал первый из серии звонков, передвигая обыск на одиннадцать часов утра. Он не хотел, чтобы в дом входили без него. Теоретически ответственность

можно было бы переложить на Джона Уигфула, но Даймонд предпочитал не вспоминать о теории. Попросил заместителя съездить в гостиницу к профессору Джекману и объяснить изменение распорядка дня.

По дороге в Бристоль он пытался представить, что надумали в управлении. И пришел к печальному выводу, что накануне профессор, наверное, весь вечер висел в гостиничном номере на телефоне. Когда грозят неприятности, люди высокого уровня, как профессор Джекман, не забиваются по щелям, будто мелкие жулики, а ищут поддержки у старых друзей.

В то утро помощник главного констебля мистер Тотт восседал за столом в белой рубашке и красных подтяжках – зрелище настолько необычное, что сотрудники менее высокого ранга застывали на пороге. Но Даймонда он приветствовал по-свойски – назвал по имени и жестом пригласил на кожаный диван у окна. И словно чтобы развеять все опасения, что грядет выговор, поднялся, подошел к двери и попросил принести кофе с печеньем. А затем устроился на диване, сложив на груди руки и выглядя со своими прилизанными и расчесанными на пробор волосами и гвардейскими усами так, словно позировал фотографу Эдвардианской эпохи.

Вся эта наигранная непринужденность привела суперинтенданта в уныние. В последний раз его такой подчеркнутой заботой окружал врач перед тем, как сообщить трагическую новость, что у его жены выкидыш.

– Прошу прощения, что спутал ваши планы. – Мистеру Тотту удалось заставить звучать свой голос искренне. – Потребовалось как можно скорее с вами увидеться. Кстати, как идет расследование убийства?

Это «кстати» заставило Даймонда дернуться, поскольку предполагало, что причина вызова – не жалоба Джекмана.

– Вчера вечером мы опознали женщину, – ответил он. – Возможно, вы уже слышали.

– Телевизионная актриса?

– Да, сэр. Была замужем за профессором английской словесности в Клавертоне.

Тотт добродушно усмехнулся:

– Слышал, слышал. Вам не помешает освежить ваши знания Шекспира, Питер. – Он развел руками. – Но давайте к делу. У меня на столе сигнальный экземпляр отчета по делу Миссендейла.

– Понимаю.

Прошло восемь месяцев после того, как Даймонд предстал перед следственной комиссией. И более двух лет с тех пор, как Хэдли Миссендейл по ходатайству министра внутренних дел вышел на свободу и был рекомендован к помилованию. Ложное признание и неправомерное заключение в тюрьму. Пресса раздула историю и превратила в непримиримую кампанию против ненавистных полицейских, которых обвиняла в жестокости и расизме. Ее целью стали суперинтендант Блейз и Даймонд. Джейкоба Блейза затравили до то-

го, что у него пошатнулось здоровье, и он преждевременно ушел в отставку. Журналисты же злобно и без всяких оснований утверждали, что это стало подтверждением их клеветы.

– Я решил, что вам следует как можно быстрее взглянуть на него, – продолжал помощник главного констебля. – Для вас будет облегчением узнать, что дикие обвинения в ваш адрес не имеют никаких оснований.

Даймонд покосился на стол.

– Можно?

– Давайте, давайте. Вы здесь именно для этого.

Суперинтендант встал, на негнущихся ногах пересек кабинет и взял документ.

– Главные находки, разумеется, в конце, – прокомментировал Тотт. – Начинайте с параграфов на странице 87, они касаются вас лично. И не торопитесь.

Даймонд перелистал страницы и нашел резюме документа. В глаза бросилась его фамилия.

Мы не нашли никаких свидетельств расовой предвзятости старшего инспектора Даймонда... Представ перед комиссией, которая подвергла его интенсивному допросу, он эффективно защищался... Что же до заявления Миссендейла, в нем не содержалось ничего, что бы противоречило уликам... Поэтому старший инспектор Даймонд обоснованно заключил, что его признание подкрепляется фактами.

Суперинтендант перевернул страницу. Он чувствовал странное безразличие, хотя, казалось бы, должен был испытывать облегчение от того, что реабилитирован после месяцев нападок в прессе. Но тут его глаза выхватили в тексте фразу.

– Боже праведный!

– Что-то не так? – повернулся к нему Тотт.

Мы считаем нужным констатировать, что физическое присутствие и напористость старшего инспектора Даймонда возымели на Миссендейла устрашающее воздействие.

– Это несправедливо, – заявил Даймонд. – У меня такое телосложение. Ничего не могу поделать.

– Да, удар ниже пояса, – подтвердил помощник главного констебля, но таким тоном, словно не придавал сказанному никакого значения.

Однако Даймонд не собирался сдаваться:

– Добиваясь признания, я его не устрашал. Во время процесса судья установил, что давление на обвиняемого не оказывалось.

– Разумеется, но комиссию назначили, чтобы все перепроверить.

Глаза Даймонда уже скользили дальше.

– Не могу поверить!

Мы с озабоченностью установили, что образец волос, обнаруженный на шерстяной шляпе нападавшего, не сравнивали с образцами волос мистера Миссендейла.

– Ну и в чем проблема? – удивился Тотт.

– Мы отправляли шляпу в лабораторию.

– Но не довели дело до конца. Не взяли образец волос Миссендейла.

– Этот тип сознался, сэр.

– Все равно было бы разумнее это сделать – довести до конца.

– До какого конца? – изумился Даймонд.

– Провести сравнительный анализ.

– Это было в 1985 году. Тогда генетическая экспертиза еще не практиковалась. Сколько бы мы ни настаивали, эксперты нам бы не ответили, чей это волос – Миссендейла или артиста Сэмми Дэвиса-младшего. Доклад подразумевает, что, отправь мы на сравнение волосы, и невиновность Миссендейла была бы установлена. Но это неправда.

– Доклад не содержит настолько далеко идущих выводов.

– А это как понимать: «мы с озабоченностью установили»? Подразумевается чья-то вина.

– Подразумевается, что все должно совершаться автоматически, – отрезал Тотт. – Вас никто не обвиняет в сокрытии улики.

– Джейкоба Блейза и меня обвинили в том, что мы засадили Миссендейла в тюрьму.

– Не будьте настолько мелодраматичны. Если бы это было так, вас бы выперли с работы. В вашей честности никто не сомневается.

Даймонд понимал, что пора остановиться, но чувствовал себя обиженным.

– Я сказал на допросе следственной комиссии, что произошло на самом деле, однако меня не послушали. Да, Миссендейла подставили и засадили в тюрьму, но не я. Он был мелким воришкой с уголовной биографией – одни сплошные отсидки. Обладал низким коэффициентом умственного развития. За ним стояли более опытные кукловоды, слишком хитрые, чтобы попасться. Оглядываясь назад, можно точно сказать: Миссендейла они выбрали на роль крайнего. Тот, кто застрелил старшину, был нужен им для последующих дел, и они сказали Миссендейлу, что, если он не возьмет вину на себя, они его уничтожат. В камере он был в большей безопасности. На свободе у него не оставалось шансов на будущее.

– Согласен, – кивнул Тотт. – Организованная преступность стоит за многими делами, которые мы расследуем. Но подобное теоретизирование выходило за рамки компетенции комиссии. Ей вменялось вникнуть в конкретные обстоятельства нарушения правосудия.

– Я далеко не удовлетворен тем, что прочитал, – заметил

Даймонд.

– Доклад содержит почти сотню страниц. Было бы странно, если бы то, что в него включено, удовлетворило бы всех и каждого. Довольствуйтесь тем, что теперь это гнусное дело утихнет. То, что тревожит вас, журналистов не заинтересует.

– Но и прошлое не забудется.

– Мне кажется, я слышу звяканье чашек, – сказал помощник главного констебля.

Даймонд дождался, когда секретарша с хорошими манерами разольет напиток из стеклянного, отделанного хромированным металлом кофейника и, когда они остались одни, продолжил:

– Я хотел бы спросить, сэр, какое влияние все это окажет на мою карьеру в полиции Эйвона и Сомерсета.

– Абсолютно никакого. – В голосе Тотта зазвучали металлические нотки, свидетельствующие о его уверенности в том, что он говорит. – Все, что произошло четыре года назад в Лондоне, принадлежит истории.

– С тех пор на меня вылили столько грязи!

– Да, однако ничего не пристало.

– Но вы не станете отрицать, что мне подрезали крылья?

Тотт молча помешал кофе. Было очевидно, что Даймонд говорил о замене Билли Мюррея на Джона Уигфила, человека управления.

– Я не в обиде, – произнес суперинтендант. – После того как раскрутилось дело Миссендейла, с вашей стороны

это было разумной предосторожностью. Но я имел право рассчитывать, что доклад комиссии восстановит мое доброе имя. По-моему, этого не случилось. Во всяком случае, не полностью.

– Скажем так: если он научит вас обстоятельнее относиться к порядку действий, то работа проделана не зря. Вы должны признаться, Питер, что сопротивляетесь современным технологиям. Согласен, научные достижения последних нескольких лет ошеломляют, но требуют, чтобы мы все сделали усилие и научились использовать их.

– До определенной степени. Национальное сознание еще на многое способно, и существует опасность, что мы превратимся в рабов данных технологий.

– Ничего подобного я не предлагаю. Проблема в соразмерности, в правильном соотношении.

Даймонд закрыл доклад и положил Тотту на стол.

– Ну и что произойдет в следующий раз, сэр, если какой-нибудь мелкий негодяй станет протестовать против того, как я его допрашиваю?

– Рассмотрю любую жалобу по существу. – Тон Тотта свидетельствовал о том, что на его участие можно рассчитывать лишь до определенной степени. – И сразу отмечаю предположения в предубежденности. Я не заметил, чтобы к вам пристала грязь. Надеюсь, вы не думаете, что я к вам придираюсь? Хотели бы мне еще что-нибудь сообщить?

– О чем, сэр?

– О текущем расследовании.

– Нет, сэр, больше ничего. – В пылу момента Даймонд и так сказал больше, чем следовало.

– Я это ценю, – кивнул помощник главного констебля. – Перевод Уигфула произведен по моей инициативе. Он не является – я это особенно подчеркиваю – какого-либо рода информатором. Я умею контролировать своих подчиненных без таких, как Джон Уигфул. Вам понятно?

– Понятно, сэр.

– Принимается?

– Да, сэр.

– Тогда скажу вам о Уигфуле. – Тотт, глядя в чашку, медленно провел пальцем по кромке. – Сознывая, что выход данного доклада неизбежен, но, не зная, каковы будут выводы, я учитывал возможность – это был бы наихудший сценарий, – что вас придется срочно убрать из отдела. Мне был нужен человек, который стал бы вашим преемником. В вашей команде я такого не видел. И выбрал Уигфула. Причину ему, разумеется, не объяснил, но, будучи хорошим детективом, он мог догадаться сам. Я учитывал, что у вас разные характеры. Вы тоже отличный детектив. И большой человек, как неуместно подчеркивается в докладе. Большой человек также в том смысле, что сумеете оценить Уигфула.

Около одиннадцати часов утра кортеж полицейских автомобилей и фургонов скрипнул покрышками на подъезд-

ной аллее, отходящей от одной из уединенных дорог на Батуик-Хилл. Первой ехала «БМВ» Питера Даймонда. Рядом с ним сидел Джекман. За ними на «Тойоте» следовал Уигфул с двумя сержантами и констеблем. Другие машины везли криминалистов из управления, экспертов и группу поддержки в штатском.

Синего цвета «Вольво» Джекмана в это время изучали на Мэнверс-стрит.

– Не разочаруйте меня, – попросил Даймонд, отдавая ключи криминалистам. – Хозяева всегда считают, будто ликвидировали все следы.

Джон-Брайдон-Хаус на вид вполне подходил в качестве профессорского жилья: далековато для походов в университет пешком, но не слишком. Все это наверняка говорили Джекману риелторы, когда он заинтересовался недвижимостью в городе. Дом представлял собой квадратное, увитое плющом здание с колоннами на крыльце и балконом на втором этаже. Построенный лет сто назад, он расположился на просторном участке за каменной стеной сухой кладки. На окраине города все наделы были большими, а дома отличались оригинальной архитектурой. Район был слишком далеко от центра Бата, чтобы планировщики настаивали на унификации, и рядом с виллами Георгианской и Викторианской эпох выросли современные здания из яркого камня.

Даймонд попросил Джекмана открыть дверь, а потом взял профессора за руку и не пустил внутрь:

– Нет, сэр, нам с вами пока туда нельзя.

Хозяин в замешательстве и недоумении смотрел, как вперед вышли двое мужчин в белых комбинезонах, сели на крыльце, сняли обувь и надели бахилы из полиэтилена.

– Если не возражаете, – проговорил ему на ухо Даймонд, – дадим поработать специалистам. А вы покажите мне сад.

– Напрасная трата времени, – пробормотал сбитый с толку профессор.

– У меня есть шурин, – Даймонд решил разрядить обстановку болтовней, – так вот всякий раз, когда мы попадаем к нему в гости, он оттаскивает меня от дам и предлагает: «Пойдем, посмотришь мой задний сад». Я не садовник – отнюдь – понятия не имею, когда положено подрезать розы. Но у меня хватит компетентности утверждать, что сад Регги запущен до безобразия. Крапива в некоторых местах высотой по грудь. Мы рыщем в поисках тропинки, а он указывает мне на жалкие растения, все в тле и увитые какими-то ползучими сорняками, и сообщает их названия. Через час мучений мы слышим крик моей сестры, она зовет пить чай, и пробираем дорогу к дому, где нас ждет спасительная чашка. Но я и торта распробовать не успеваю, как Регги поворачивается ко мне и говорит: «Ты еще не видел моего переднего сада. Пошли, посмотрим». Хотя я считаюсь детективом, но не понимаю, почему он так поступает. Боится выходить на улицу без сопровождающего? Или дом набит ворованными вещами и шурин не хочет, чтобы я их заметил? Пытаюсь дать на

вопросы ответы и не могу.

Джекман не пожелал предложить свою версию, но хотя бы не отказался прогуляться с суперинтендантом. Они представляли собой странную пару: передвигающийся пружинистыми шагами широкоплечий ученый и тяжело топающий толстый полицейский. Фоном им служили разделенные кустами и со вкусом посаженными деревьями лужайки. В конце росло достаточно яблонь, чтобы присвоить саду статус фруктового.

– Что касается вашей жены. – Даймонд неожиданно перескочил от дел домашних к заботам дня. – Мне необходимо знать о ней все. Окружение, родные, друзья прошлые и настоящие, враги, если таковые есть, повседневные заботы, личные средства, состояние здоровья, пристрастия к спиртному, хобби, места, какие она посещала, магазины, где делала покупки.

– Мы поженились всего два года назад. – Тонем профессор явно показывал, что недоволен длиной и полнотой списка.

– Разве не достаточно, чтобы быть в курсе всего этого? – не отступал суперинтендант. – Подобное выясняется сразу. Как вы познакомились?

Такой подход принес свои плоды. Профессор издал нечто вроде смешка и в то же время, вспоминая какой-то случай из прошлого, грустно покачал головой.

– Благодаря голубю. Во всяком случае, Джерри всегда так

утверждала. Голубь то ли был, то ли его не было, но он стал частью нашей семейной мифологии. Она ехала в своем «Рено» по Грейт-Рассел-стрит...

– Когда это было?

– Более двух лет назад. Так вот, Джерри ехала, а этот упрямый, тупоголовый лондонский голубь переходил дорогу и отказался улетать. Она не захотела убивать живое существо, вывернула руль и повредила крыло. Только не птицы, а стоявшего у тротуара фургона. Вам, вероятно, часто приходится выслушивать подобные истории.

– Я не из дорожной полиции.

– Случилось это, кажется, в мае, я заканчивал последний семестр в Бирбекском колледже, перед тем как занять профессорскую должность здесь. В тот день я занимался в Британской библиотеке и вышел прогуляться и перекусить. Никакого голубя я не видел, но услышал удар. Первым оказался у машины и открыл дверцу, проверить, не пострадала ли девушка. Вижу ее как сейчас: глядит на меня – бледная, испуганная, красивая, потрясающе красивая. Она даже не ушиблась – отделалась испугом. Я помог ей убрать автомобиль с дороги, нашел место в ближайшей бутербродной и заказал крепкий сладкий чай. А затем, не упустив возможности сыграть роль сэра Галаада, отправился разбираться с водителем фургона. Им оказался буддийский монах.

– Монах – в Лондоне?

– Занимался, как и я, научной работой. Я встречался с

ним раз или два в читальном зале. Когда я сообщил ему об аварии, он безмятежно заметил, что очередная вмятина на машине его нисколько не волнует. Наоборот, похвалил Джерри за то, что она не позволила погибнуть голубю. По его мнению, это стало шагом к просветлению. Я вернулся в бутербродную успокоить ее.

– И посоветовать обратиться в ближайший полицейский участок и сообщить об инциденте? – ехидно промолвил Даймонд.

– Я нашел ее сидящей на высоком табурете и вытирающей глаза прядью своих удивительных рыжих волос, – продолжил рассказывать профессор. – Джерри призналась, что впервые попала в аварию, и ей было стыдно, что она повредила чужой автомобиль ради того, чтобы объехать паршивого голубя. Помнится, я встал на сторону птицы – стал защищать право голубя перейти дорогу без того, чтобы его размазали по мостовой. И заставил Джерри опять улыбнуться. У нее великолепная улыбка. Она объявила, что через двадцать минут ей надо быть в телевизионном центре, и я предложил подвезти ее в «Уайт». Неловкая ситуация. Я и не подозревал, что она – знаменитость, поскольку редко включаю телевизор.

Они остановились на границе яблоневого сада. Дальше трава выросла такой высокой, что стало неудобно идти. Даймонд сорвал стебелек и пожевал, мысленно похвалив себя за то, что у него хватило терпения выслушать всю эту чушь, как мальчик познакомился с девочкой. Времени было достаточ-

но, он мог не торопиться переходить к теме насильственной смерти.

– Вы условились встретиться снова?

– Да. Мы сразу ладили. Симпатия была взаимной, хотя, признаю, каждой стороне льстило новое знакомство. За плечами Джерри не было ничего, кроме школы, и ей нравилось, что за ней ухаживает профессор. Я же, кроме того, что, подобно всякому нормальному мужчине, находил ее исключительно привлекательной, тешил самолюбие, наблюдая, как мне завидуют те, кто смотрел «Милнеров», и не могут понять, как яйцеголовый ученый умудрился подцепить телевизионную диву.

– Вы находили темы для разговоров?

– Что вы имеете в виду?

– Были с ней на одной волне?

– У Джерри была светлая голова. Если бы она не прервала учебу из-за съемок, то наверняка поступила бы в университет.

Даймонд заметил в этом высказывании странность. Джекман говорил скорее отстраненно, чем с гордостью, которую должен был бы испытывать преданный муж. Правда, остальные воспоминания событий двухлетней давности были проникнуты теплотой. Рассказ о первом знакомстве звучал правдиво. Джерри очаровала Джекмана, а взглянув на него, было нетрудно понять, почему и ее потянуло к нему. Хорош собой. Не зануда. Нисколько не похож на надменного

интеллектуала.

– В первый раз мы занялись любовью в Ричмонд-парке под звездами, – продолжил профессор. – Не сообразили, что ворота на ночь запираются. Чтобы выбраться наружу, пришлось лезть через ограду, а сил у нас к тому времени почти не осталось. – Он улыбнулся. – После этого мы выбирали более удобные места. Джерри переселилась в мой «полуотдельный» дом в Теддингтоне. В сентябре поженились и после регистрации прокатились по Темзе на прогулочном теплоходе в компании двухсот пятидесяти гостей.

Отметив цифру, Даймонд встревожился. Если дойдет до того, что придется отслеживать всех друзей жертвы, потребуются огромные силы.

– Удивительно, как подошли друг к другу люди из мира академического и мира шоу-бизнеса – отплясывали под джазовый квартет до утра!

– Вы сказали, это происходило в сентябре 1987 года. Когда вы переехали в Бат? – спросил Даймонд.

– Сразу. У меня начинался новый семестр, а Джерри еще снималась на Би-би-си. Мы не знали, что ее дни в «Милнерах» сочтены. На время съемок она сняла квартиру в Илинге. Я уже упоминал, что каждый из нас был предан своей карьере, поэтому связывающий нас узел казался не таким крепким, как традиционный. У нас имелись собственные банковские счета. Этот дом на мое имя. Я нашел его и запустил правовой механизм покупки еще до того, как познако-

мился с Джерри.

– Она одобрила ваш выбор?

Обдумывая вопрос, профессор потеревил подбородок.

– По-моему, дом ей понравился. Расположен далековато от центра, но она водила машину.

– «Рено»?

– «Метро». Купила новую. Стоит в гараже. Хотите осмотреть?

– Позднее. А почему, если ее автомобиль до сих пор в гараже, вас не насторожило, что жена так долго не появлялась дома?

– Джерри часто ездила на такси, особенно если предстояла выпивка.

– Она много пила?

– Могла выпить. Но не скажу, что слишком.

В это время в доме одетого, как положено, в полиэтиленовые бахилы Джона Уигфула позвали наверх взглянуть на хозяйскую спальню. Там криминалисты, стоя на коленях, собирали полосками липкой ленты образцы волокон. Уигфул сложил руки на груди и обвел взглядом комнату:

– Две односпальные кровати...

– Некоторые предпочитают спать таким образом.

– А вы тоже предпочли бы, если бы вашей женой стала Джерри Сноу?

Криминалист улыбнулся:

– Я занудный эксперт, Джон. Полное отсутствие воображения.

Для осмотра с кроватей сняли все, кроме матрасов, лишив комнату индивидуальности. Помещение было большим, хороших пропорций, отделанным в коричневых и салатových тонах. На столике напротив кроватей разместились телевизор и видеомаягнитофон. Стены украшали две абстрактные картины Питера Мондриана, которые, на взгляд Уигфула, усиливали впечатление гостиничной безликости.

Иное впечатление производила одна из примыкающих к спальне гардеробных. Она представляла собой святилище телевизионной карьеры Джерри Сноу. Стены были плотно залеплены кадрами из «Милнеров» в серебристых рамках попеременно с газетными и журнальными фотографиями актрисы на вечеринках с другими знаменитостями. Зеркало туалетного столика, как положено в уборной всякой звезды, обрамляли электролампочки, стена за ним пестрела серебристыми подковами, поздравительными открытками, факсами и веточками вереска. Поперек комнаты стояла складная ширма вся в вырезках из прессы. От встроенного шкафа до окна тянулись полки с кассетами и изданиями «Милнеров» в бумажных обложках.

– Пропавшая дамочка – большая знаменитость, – усмехнулся криминалист.

– Похоже. – Уигфул вернулся в спальню. – Что-нибудь нашли?

– На одеяле несколько микроскопических пятен. Не исключено, что кровь. Посмотрим, что определит анализ. Множество отпечатков пальцев на туалетном столике, скорее всего ее собственные. Но больше нигде. Ящики комода и шкаф тщательно вытерты. Его работа?

– Мужа?

– Кого же еще? Убийства, как правило, совершаются внутри семьи. Разве не так?

Уигфул пожал плечами. Криминалист закрыл металлический чемоданчик с инструментами.

– Если он виноват, держу пари, твой босс прищучит его. Я видел, как работает Даймонд, – как кошка с мышью: немного поиграет и прихлопнет. Если не отгрызет голову, то переломит хребет.

– Но пока до этого не дошло, я хотел бы уяснить мотив, – произнес Уигфул.

– Яснее ясного. Они не спали в одной постели. Она спуталась с кем-нибудь еще. Муж их застукал. Занавес падает, Кэндис конец.

В саду Даймонд терпеливо разбирался в коллизиях семейной жизни профессора.

– В машине вы мне сказали, какой удар испытала ваша жена, когда ее персонаж вычеркнули из сценария телесериала. Но затем она нормально восприняла разрыв с Би-би-си?

– Именно так, – подтвердил Джекман. Вопросы детекти-

ва стали упорядоченнее и предсказуемее, и он успокоился. — Разумеется, высказала режиссеру все, что думала, но, когда поняла, что дело проиграно, смирилась. Сказала, что собирается наверстать упущенное за годы.

— В каком смысле?

— У нее не было свободы, к какой стремятся девушки. Но наконец она вырвалась из плена — могла отдыхать по выходным, танцевать до утра, сменить прическу, прибавить в весе, если бы захотела, и не отвечать на письмо очередного фаната. Я бы назвал это молодежным бунтом с опозданием на десять лет.

— Не самая удачная ситуация для начала супружеской жизни.

— Мы на это смотрели иначе. Как я уже упоминал, договорились предоставить друг другу достаточно свободы, чтобы оставаться собой и не поступаться своими интересами. Мы не хотели уподобляться парам, когда один из партнеров постоянно приносит жертвы ради другого.

— Но основа вашего соглашения, или как вы это называете, изменилась, — заметил Даймонд. — Жена лишилась работы и не занималась карьерой.

— Ну и что? Да, Джерри больше не снималась, но я не собирался заставлять ее штопать мне носки. Она вкладывала энергию, строя свою социальную жизнь. А с квартирой в Илинге, конечно, рассталась.

— Не просто привыкшей к Лондону женщине переехать

сюда, где она никого не знала. — Даймонд не сомневался, что подобный брак был обречен.

— Только не для Джерри. Стоило ей здесь появиться, молва тут же облетела округу, и посыпались приглашения.

— Вас тоже приглашали?

— Очень часто, но, как правило, я не мог сопровождать ее. Надо было организовывать новое отделение, и это отнимало все силы. Постепенно я узнал людей, с которыми жена проводила время. У себя мы тоже иногда устраивали вечеринки.

— Для людей из Бата?

— Из Бристоля. И, как я понимаю, отовсюду.

— Что значит — «как я понимаю»? Вы с ними не так уж хорошо познакомились? Это были люди не вашего круга?

Профессор холодно посмотрел на суперинтенданта:

— Людям не обязательно принадлежать к моему кругу. К тому же я не интересовался, где они живут. Если вам нужны их фамилии и адреса, я могу найти записную книжку жены.

— Вы хотите сказать, что не знали фамилий друзей жены?

— Я этого не утверждал. Приходили приятели по фамилии Молтби, они вроде бы из Клеведона. Пола и Джон Хейер. Лайза, не помню, как ее дальше. И высокий малый по имени Джон, не могу сказать, где он живет.

— Не старайтесь, — перебил Даймонд. — Как вы посоветовали, я обращусь к ее записной книжке. Ваша жена не упоминала, что поссорилась с кем-нибудь из своих друзей?

— Нет.

– Что ж, нам пора обратно. – Суперинтендант повернул и направился к дому, ступая по уложенным через лужайку плиткам. Капли утренней росы, возможно, останутся на них до самого вечера. – Из того, что я слышал о вашем браке, чувствую, что ваша жена не обсуждала с вами своих друзей! – бросил он, осторожно выбираясь на тропинку.

– Скорее всего нет, – отозвался за его спиной профессор. Казалось, ничто не могло его смутить.

Впереди, практически в середине сада, находилось замощенное пространство, более темное в середине. Даймонд принял это место за клумбу, но, приблизившись, сообразил, что перед ним обожженный до черноты фундамент строения восьмиугольной формы.

– Похоже, у вас здесь когда-то случился пожар, – небрежно промолвил он.

– Это была главная достопримечательность сада, – ответил Джекман с учтивостью умелого хозяина. – Летний домик. Он сгорел в ту ночь, когда Джерри попыталась убить меня.

Даймонд остановился так резко, словно наткнулся на стену и чуть не упал. А когда обрел дар речи, его голос звучал совсем по-другому – тускло, словно у него перехватило дыхание:

– Не знаю, правильно ли я расслышал вас, профессор, но у меня возникло впечатление, будто мы перескочили в нашей истории чуть вперед.

Часть вторая. Грегори

Глава первая

Пятого августа моя жена Джеральдин пыталась убить меня.

Убийство мужа требует определенной степени неприязни, если не сказать, ненависти. Джерри все считали человеком с пылким, отзывчивым и жизнерадостным характером, очаровашкой. Еще она была исключительно миловидной. И достигла той стадии жизни, когда эпитет «красивая» сдает позиции словам не менее выразительным, но более благородным: «элегантная», «изысканно-изящная». Огненные волосы она собирала высоко на затылке над длинной белой шеей. В том, что ей нравились черные юбки и блузки, не было ничего зловещего – в том, как она одевалась, был стиль и вкус.

Но вынужден сказать, что в стенах дома все складывалось иначе. В последние полгода с ней становилось труднее жить. Настроение было непредсказуемым. Она винила меня по любым мелочам, по всякому поводу взрывалась, и ее постоянно охватывали вспышки гнева. Помню, как Джеральдина обвиняла меня в том, что я испортил ее машину и та не заводится, спрятал газету и вылил горячую воду из бака, хотя она сама оставила кран открытым. В общем, глупые домашние непри-

ятности, которые Джеральдина раздувала до глобальных катастроф, но утверждала, будто это мой злой умысел. Затем впадала в веселье и требовала забав, однако это настроение я выносил еще труднее. Впрочем, вскоре оно сменялось периодами черной молчаливой депрессии. Состояние жены тревожило меня, но она не проявляла личной агрессии, во всяком случае, я в это верил.

Оглядываясь назад, я понимаю, что первый намек, что Джерри что-то замышляет, я получил опосредованно – от врача. В конце июля пошел на ежегодное обследование – процедуру, на которой настаивают мои университетские работодатели. Меня взвесили, измерили кровяное давление, жидкие выделения, проверили рефлексy и все, что положено по списку. Затем пригласили во врачебный кабинет для вынесения вердикта. Мой лечащий терапевт в это время отсутствовал, и я впервые познакомился с главным человеком в больнице, доктором Букбиндером, врачом старой закалки, седым, в оспинах и в галстукe-бабочке. Он был из тех, кого силой не подтащить к компьютеру. Хотя на стене его кабинета висел антитабачный плакат, а окна он держал открытыми, помещение пропахло сигарами.

– Как вы себя ощущаете? – спросил доктор.

– Как пес мясника, – ответил я и не покривил душой. Я чувствовал себя крепким, ясноглазым, веселым.

– Сколько вам лет – тридцать шесть, тридцать семь? Неприлично молоды для профессора. Какая у вас специаль-

ность?

– Английский язык.

– Отлично. – Доктор Букбиндер посмотрел на меня, и его глаза блеснули из-под очков. – Хотя бы не будете учить меня, как работать. Не знал, что в Клавертоне озаботились изучением родного языка.

– Я создаю отделение. Кафедра существует уже пару лет.

– Кафедра английского языка? Похвально. Только не засиживайтесь слишком долго. Неподвижный образ жизни ведет к запорам и геморрою.

– Я не только сижу. Время от времени встаю и тянусь.

– Превосходно. Процесс нервный?

– Потягивания?

– Нет, руководства отделением.

– Не очень. У меня пока немного студентов.

Врач просмотрел лист с моими анализами и неловко сунул в кожаную папку, куда была упрятана вся моя жизнь в медицинских терминах.

– Ничего не читал более скучного после той книги о... как их там: хоббитах или боббитах. С точки зрения страховой компании вы вполне надежный клиент, если только не выжжете себя сами. Вы женаты на той очаровательной молодой даме, которая раньше играла в «Милнерах» Кэндис? Она моя пациентка.

Я кивнул.

– Приходила ко мне в понедельник, – продолжил врач. –

Одна из особенностей моей работы, иногда я вижу женщин чаще, чем их мужей. Только без обид.

– Никаких обид. Я взял за правило посещать врачей лишь в том случае, если это неизбежно. – Я снял ногу с ноги и хотел подняться и уйти. – И поскольку не собираюсь выклянчивать справку, чтобы устроить себе недельный отгул, не смею больше вас задерживать.

Но Букбиндер сделал жест, призывая остаться.

– Когда миссис Джекман назначает в регистратуре дату визита, там все встают на уши.

– Сила телевидения.

– Хотите знать, почему она пришла ко мне на прием?

В его словах было нечто непристойное. Я не хотел ничего такого знать и сдержанно проговорил:

– Мы с женой уважаем частную жизнь друг друга.

– Вы с ней спите?

Мои глаза округлились, и я резко выпрямился на стуле.

– Это имеет значение?

– Если бы не имело, я бы не спрашивал, – отрезал врач.

– Если вы имеете в виду в одной комнате, то да, – после паузы ответил я.

– В таком случае вы не могли не заметить.

– Что?

– У вашей жены бессонница.

– У моей жены... бессонница?

– Поэтому я спросил, не нервничаете ли вы на работе. По-

думал, не сваливаете ли на нее свои заботы. Но вы ответили, что спокойны.

Мне была до лампочки его доморощенная психиатрия. Как психиатрия вообще. И я огрызнулся:

– Я редко обсуждаю с Джеральдин свою работу!

– В таком случае причина тревоги кроется где-то еще. Не может ли ее тревогу объяснить недовольство теперешней жизнью? Ведь ей приходится мириться с тем, что она больше не звезда и не в той степени, как раньше, предмет обожания.

– Это правда. Иногда Джеральдина снимается в рекламных роликах, но другой работы на телевидении ей не предлагают.

– Почему? Все ассоциируют ее только с Кэндис?

– Наверное.

– Вы не заметили, что она лишилась сна?

– Честно говоря, нет. Мы спим на разных кроватях. И как только моя голова касается подушки, я сразу отрубаясь.

– Утром вы не спрашиваете жену, хорошо ли она спала?

– Как правило, не спрашиваю. У меня сложилось впечатление, что когда я встаю, она крепко спит. – Я помолчал. – Должен вам сказать, доктор, меня встревожил наш разговор. Если Джеральдин беспокоит бессонница, она могла сказать об этом мне. Но она потихоньку отправилась к вам.

– Я же сделал вполне обоснованный вывод, что вы в курсе проблемы. – Затем врач сказал нечто такое, что мне совсем не понравилось. – Я так понимаю, вы озабочены.

– Естественно, озабочен, после того как вы мне сообщили, – произнес я, еле сдерживаясь. – И сделаю все необходимое, чтобы помочь, если речь идет о том, чтобы подать среди ночи чашку горячего шоколада.

– Нет, нет! – возразил Букбиндер. – Бдения не нужны и составлять ей компанию среди ночи не надо. Так бессонницу не лечат.

– Что вы предлагаете?

– Не беспокойтесь, – небрежно бросил он. – Джеральдин теперь будет спать. Я «посадил» ее на люминал.

Я нахмурился:

– Неужели все так серьезно?

– Она принимала более легкие снотворные, но, по ее признанию, они не помогли.

– То есть Джеральдин уже какое-то время лечилась? Я не знал.

– У нее упорная бессонница, профессор. Необходимо как-то перебить это состояние. В подобных случаях хорошо действует старый проверенный люминал, в то время как новомодные транквилизаторы бессильны. Когда мы вернем привычку ко сну, через несколько недель все образуется само собой.

– Вы хотите сказать, что я ничем помочь не могу?

– Главная причина никуда не делась. Она может носить физический характер. Однако чаще всего бессонница – следствие нервного расстройства. Я вижу, вы сочувственно от-

носиться к жене, и если обнаружите, что не дает ей покоя, и сумеете как-то исправить, это будет эффективнее всякого люминала. И будьте благоразумны.

– Забавно!

– И еще, профессор, – вы разумный человек. Уверен, вам не нужно напоминать, что откровенность пациента с врачом жизненно необходима.

– Приму к сведению. – На сей раз я не стал сдерживаться и сказал ему все: – Как разумный человек я посоветую жене сменить лечащего врача. Всего хорошего.

Я поднялся и вышел из кабинета. Сел в машину, но завел мотор не сразу – сидел и размышлял, отчего у Джеральдин бессонница и почему я этого не заметил. Мне не пришла в голову мысль, что люминал предназначался не ей, а мне.

Глава вторая

В то же утро в Университете Бата я поймал себя на том, что наблюдаю, как секретарь декана литературного факультета мисс Хантер раскладывает на тарелке шесть шоколадных печений. В соседней комнате заседал управляющий университетский комитет, куда меня пригласили на обсуждение шестого пункта повестки дня. Но прождав двадцать минут, начал тревожиться. Так и не сумел успокоиться после разговора с Букбиндером. Схватил печенье, пытался острить.

– Смешное название – управляющий совет. Управлять, править, рулить... Чем они там рулят? Велосипедами?

Хилари Хантер любила посмеяться. Ее наверняка позабавила картина: пять профессоров давят на педали, кружась все утро по кабинету декана. Но храня верность начальнику, она осталась серьезной, только выключила закипевший во второй раз электрический чайник. Прошла еще минута. На секретарском столе прозвучал сигнал. Хилари разлила кофе и подхватила поднос. Я открыл перед ней дверь и прошептал:

– Обрати внимание на лидера заезда в желтом джерси.

Все равно что пихнул локтем под ребра. Секретарь улыбнулась и переступила порог.

– Дать вам носовой платок, мисс Хантер? – спросил декан. Она покачала головой.

– Тогда оставьте поднос, мы справимся сами. Джекман, проходите, присоединяйтесь к нам.

Декан показал на обитый английским ситцем диван. Он ценил удобства и носил клетчатые шерстяные рубашки и галстуки ручного плетения. На двери висели его шляпа и мешок с клюшками для гольфа. В этом году была его очередь председательствовать в управляющем комитете. Остальные представляли другие факультеты. Трех я немного знал, а с четвертым, профессором Оливером с искусствоведческого отделения, иногда захаживал в бар.

– Как поживает наша вылупляющаяся из яйца школа английского языка? – поинтересовался декан.

– Чирикает, – ответил я.

– Готова подняться на крыло?

– А какая альтернатива? Путешествие в Штаты?

– Да вы оптимист! – Он усмехнулся и повернулся к соседу слева: – Профессор Оливер, будьте добры, объясните.

– Я? – удивился Том Оливер, рассыпая изо рта крошки печенья.

Ему постоянно требовалось что-нибудь жевать. Заседание, где запрещалось курить, было большим испытанием для постоянно дымившего трубкой человека. Он пригубил кофе и с трудом проглотил.

– Грег, тебе, вероятно, известно, что мы стараемся поддерживать в городишке образ нашего университета.

– Не в городишке, а в городе, – поправил декан.

– В городе. Год или два назад прозвучала критика, что мы превратились в ту самую легендарную башню из слоновой кости и плюем на бюргеров.

– Зачем вы так? – возмутился председатель комитета.

– Бюргеров, – повторил Оливер. – То есть добрых жителей. Это, разумеется, не соответствовало действительности. Учитывая нашу компетентность в науках и технологиях, мы постоянно участвуем в местной промышленности, организуя курсы без отрыва от производства. Предлагаем широчайший спектр циклов заочных лекций. Организовали концертное общество, которое проводит музыкальные мероприятия. На Рождество открываем для покупателей свою автостоянку, где люди могут оставлять машины и ехать дальше на общественном транспорте. Студенты устраивают неделю представлений, собирая средства на благотворительность.

– Например, носят кого-нибудь в балдахине, – вставил профессор религиоведения – легкий как пушинка человек, который ежегодно соглашался, чтобы носили именно его.

– И это тоже. Я вот к чему веду, Грег. Три года назад, когда тебя с нами еще не было, мы устраивали выставку в галерее «Виктория».

– Той, что над публичной библиотекой, – пояснил декан. – Хорошая выставка, если учесть, что мы только набирались опыта. – Он скользнул по мне взглядом.

– Организовывать выставку выпало мне, – продолжил Оливер. – В мою задачу входило развернуть экспозицию на

тему «Искусство в Бате» – о художниках, которые в определенный период своей жизни находились в нашем городе. Подобралась пестрая компания: Гейнсборо, сэр Томас Лоренс, Уистлер, лорд Лейтон и несколько менее ярких звезд.

– Одну картину выставил сам профессор Оливер, – напомнил декан. – Абстрактную. Если не ошибаюсь, в красных тонах.

– Надо было чем-то заполнить место, – смущенно объяснил тот. – Я бы вообще предпочел экспозицию современного искусства. Но Общество живописцев Бата месяцем ранее провело ежегодную выставку, а мне было строго указано организовать нечто более традиционное.

Видимо, почувствовав, что необходимо акцентировать положительные аспекты мероприятия, снова заговорил декан:

– На нашу просьбу предоставить полотна на выставку «Искусство в Бате» откликнулись не только традиционные источники, но и частные коллекционеры. В этом частично и есть смысл подобных мероприятий. Способ привлечения местных жителей, напоминание им, что мы существуем. О выставке сообщали газеты, местное радио и телевидение. В итоге профессор Оливер превратился в медийную персону.

Оливер, вспоминая былую славу, закатил глаза. Я же сложил руки, откинулся на стуле и произнес:

– Понятно, джентльмены. Чем хотите нагрузить меня?

Декан нахмурился:

– Никто не собирается вас ничем нагружать, Джекман. Я считал, что профессор английского языка мог бы подобрать более удачное слово.

– Хорошо, озадачить.

– У нас, кажется, недопонимание. Вижу, вы не привыкли выбирать выражения, но зачем ершиться до того, как выслушали предложение? На мой взгляд, это прекрасная возможность английскому отделению создать себе имя. У самого молодого отделения должно быть много творческих замыслов по сравнению с нами, которые стояли у истоков. И еще, управление двухлетним учебным циклом я бы не назвал перегрузкой. К тому же в следующем году присвоения дипломов не будет.

– Сдаюсь, пойман на месте преступления. Вы хотите, чтобы я устроил рекламную шумиху? У меня развязаны руки?

– До определенных пределов.

Я пожал плечами:

– Значит, руки у меня не развязаны.

– У нас есть предложение – очень заманчивое. Исходит от самого городского совета. И естественно, получило горячую поддержку нашего комитета.

– Какое?

– Джейн Остен в Бате.

Наступила тишина.

– Джейн Остен, писательница, – уточнил декан, чья утонченность ничуть не умаляла его сарказма. – На случай, если

вы не в курсе: несколько лет она прожила в нашем городе.

– Каждый день приходится узнавать что-нибудь новое.

Значит, договор такой: Джейн.

– И Бат. Тема и смысл выставки – празднование дней Джейн Остен в городе.

– Празднование? Жаль, что она не с нами, а то бы оценила иронию.

– Объясните! – потребовал декан.

– Годы жизни Джейн Остен в Бате – не повод для праздника. Этот город изрядно достал ее.

– Профессор Джекман!

– Хорошо, сформулируем иначе: здесь прошла не самая счастливая пора ее жизни.

– Огульное обвинение!

Профессор религиовед потянулся за последним шоколадным печеньем и изрек:

– Что есть счастье? Что значило счастье для Джейн Остен? Мы имеем дело с абстракцией.

– Насколько помню, – заметил я, – когда преподобный Джордж Остен объявил семье, что им придется переехать сюда из Стивентона, где Джейн родилась и выросла, она вырубилась. Простите, лишилась чувств. По ее собственной оценке, Бат не стал для нее тем, чем являлся Стивентон. Тут она испытала горести, пережила смерть друзей, разрыв с женихом. Здесь умер ее отец. Семье пришлось переехать в более скромное жилище. Когда наконец она уезжала из города,

то назвала это счастливым избавлением. Счастье состояло в том, чтобы бежать из Бата.

После новой неловкой паузы декан упрямо возразил:

– Факт остается фактом: Джейн Остен здесь жила. И она одна из величайших романисток.

– Но ни один из великих романов не был написан в Бате.

Декан посмотрел на меня поверх очков:

– Поправьте меня, профессор, если я ошибаюсь. Черты Бата доподлинно воспроизведены в ее творениях.

Я оглядел других членов комитета.

– И никак нельзя от этого увильнуть?

– Кто говорит, что мы собираемся увильнуть? Нам открывается потрясающая возможность. Все, кто узнал об этой идее, горячо поддерживают ее. Помощь обещал главный городской библиотекарь и его коллектив.

– Вы уже рассказали о вашем проекте людям?

– Только паре ключевых персон.

– Лучше бы раньше со мной посоветовались.

– Грег, мы сами узнали только сегодня утром, – объяснил Оливер.

Я тяжело вздохнул, поднялся и подошел к окну.

– Где найти столько экспонатов, чтобы наполнить галерею «Виктория»?

– Бальный зал, – сообщил декан. – Нам предоставляют бальный зал.

– Боже, он еще больше!

– Только представьте, какой глубокий смысл! В нем наверняка не один раз танцевала Джейн Остен.

– Если честно, декан, – произнес Оливер, – зал разрушили бомбежки во время последней войны.

– Но вскоре его прекрасно восстановили.

– Правильно. – Я повернулся к членам комитета. – Огромный бальный зал. Чем мне его наполнить? Насколько помню, существует всего один портрет Джейн Остен размером с почтовую открытку, который написала ее сестра. Он хранится в Национальной портретной галерее, а других нет. Если мне даже удастся его позаимствовать – в чем я сильно сомневаюсь, – этого явно не хватит на помещение длиной в сто футов.

Декан пошелестел бумагами.

– Не сомневаюсь, если вы ухватитесь за появившуюся возможность, как это сделал три года назад профессор Оливер, мы устроим прекрасное представление.

Я обратился к профессору религиоведу:

– Как это с точки зрения абстракции?

– Можно использовать ее романы, – подсказал Оливер. Он хотел мне помочь.

– Открыть на каких-нибудь страницах книги и поместить в стеклянные витрины? – уточнил я. – Не слишком плодотворная идея. Толпы не соберет. Люди могут купить такие же романы в любом книжном магазине нашего городишки.

– Города, – пробормотал Оливер.

– Сфотографируйте дома, где она жила! – подхватил декан.

– А потом увеличу до натуральных размеров. – Если наклеить их на картон, а затем поставить вроде театральных декораций, они займут часть этого дурацкого бального зала. Своих студентов одену в костюмы того времени – пусть разгуливают вокруг и приговаривают: «Спасибо достойным аплодисментов господам из управляющего комитета за то, что устроили счастливейшую смычку города и мира, величие которой невозможно постигнуть».

– Брось, Грег! – вмешался Оливер. – Посидишь поразмышляешь, какие-нибудь идеи в голову придут.

– Это вам что, украшение витрин? Имя Джейн Остен – приманка для туристов? Никто не удосужился раскинуть умом, что она действительно думала об этом городе? Хотя, полагаю, поздно порицать того гения, который все это предложил.

– Это совсем не то, к чему мы стремимся, – возразил декан. – Наша цель – протянуть руку городу, а не унижать жителей, набирая академические очки. Да, согласен – опоздали. Намного опоздали.

– Сколько у меня времени? – обреченно спросил я.

– Такие выставки обычно устраивают летом, – заметил Оливер.

– А эту планируется открыть 9 сентября сроком на три недели, – подхватил декан.

– Значит, на моем отпуске можно поставить крест?

– Прошу на следующей неделе в это же время доложить, как продвигаются дела.

У меня тонкий слух, и, выходя из приемной, я услышал, как декан сказал:

– Бунтарь. Не припоминаю, чтобы на собеседовании, когда его рассматривали на должность заведующего кафедрой, он так себя вел.

– Вас тогда не было, декан, – подсказал Оливер. – Вы находились в творческом отпуске.

– Ах, вот как...

– Студенты его очень ценят.

– Можно поверить.

– Он нас не подведет.

– Надеюсь.

Глава третья

Многие люди идут по мосту Палтни, не отдавая себе отчета, что под ними Эйвон. Причина, разумеется, в том, что на нем, как на мосту Понте-Веккьо во Флоренции, по сторонам постройки. Реку не видно, если не войти в один из магазинчиков и не посмотреть в окно. Я слышал, что когда в 1769 году Роберт Адам проектировал мост, то вспоминал Понте-Веккьо, но сходство, если и есть, лишь поверхностное. Мост красив и оригинален – трехарочный, с венецианским окном в центре и высокими башнями-заставами по сторонам. Та, что напротив библиотеки на западной стороне, – кофейня «Давид». В нее-то я и зашел после заседания управляющего комитета. Мое посещение кофейни не было связано с новым заданием. Я заскочил к «Давиду» выпустить пар. Пообщавшись с Букбиндером, а затем с комитетом, полагал, что имею право развеесться. Не выносил профессорскую, возмущался нравами и повадками провинциальных ученых. В качестве создающего новое отделение профессора мне полагалось дни напролет выслушивать пережеванные суждения из «Гардиан» и «Индепендент» или жалобы на профсоюз, на то, как плохо сформирована крикетная команда или на вечно ломающийся ксерокс. Но только не в этот день.

Кофейня «Давид» для меня рай. Я считаю счастливым знаком, что обнаружил ее три года назад, приехав в Бат на со-

беседование в качестве претендента на главу английского отделения. Крохотная, не шире железнодорожного вагона, она привечала ароматом капучино, узкими скамьями и столами с льняными скатертями, за которыми посетители неспешно просматривали предоставляемые хозяином газеты. С одной стороны висело изображение Давида Микеланджело в раме. С другой – современный Дэвид разливал чай и кофе за своей малюсенькой стойкой, оставлявшей в тесном помещении максимальное пространство для гостей. Дэвид был худеньким и гибким – напоминал танцовщика с Гавайев, – а иначе за здешним прилавком ему бы не управиться.

Лучшими местами в кофейне являлись те, откуда открывался вид на реку. Течение воды из-под моста определяет состоящий из трех уровней U-образный каскад. Его изящные линии скрывают смертельную ловушку. Масса воды собирается и падает в закрытую зону, где образуется водоворот, доставивший много неприятностей безрассудным пловцам и байдарочникам.

Я сел у окна и привычно ужался, чтобы не мешать человеку за соседним столиком. Заказал кофе и стал вспоминать разговор в медицинском кабинете. Черт с ним, с Букбиндером, я расскажу Джеральдин, о чем мы с ним говорили. Честные отношения в нашей семье важнее медицинской этики, которая и без того уже подпорчена врачом.

Я взглянул на первую страницу «Таймс», отодвинул газету в сторону и достал из кармана «Нортенгерское аббатство»

в бумажном переплете. Книгу я снял с полки в своем кабинете, прежде чем спуститься в город с Батуик-Хилл. Полистал и нашел фразу, которую Джейн Остен вложила в уста Изабеллы Торп: «Вы знаете, мне так осточертел Бат. Утром мы с вашим братом решили, что хотя здесь и можно неделю-другую развлечься, но жить постоянно мы бы не согласились ни за какие миллионы». Бальзам на сердце. Слова меня воодушевили. Оказывается, я все правильно помнил. Разумеется, неверно отождествлять взгляды литературного персонажа со взглядами автора, и надо признаться, в книге есть и положительные отзывы о городе, но в своем тогдашнем настроении я порадовался, представив, как члены совета ходят по выставке и наталкиваются на благостные виды георгианского Бата, снабженные едкими цитатами из книг Джейн Остен.

Я потягивал кофе и уговаривал себя выкинуть из головы крамольные мысли. Выставка свалилась на меня – она мое детище. Будет лучше, если я постараюсь ее полюбить. Чествование Джейн Остен в Бате. Я бы с удовольствием превознес все шесть ее законченных романов. Почему бы нет? Иначе я сижу не на своем месте. Но петь осанну их автору – для меня проблема. Я никогда не причислял себя к легиону обожателей Остен, называющих себя «джейнистами». Не потому, что мне что-то неприятно в ее характере. Напротив, проскакивающие в письмах Остен едкие замечания делают ее ближе и человечнее, по сравнению с мягкой Джейн-романисткой. Мои трудности фундаментальнее. Я не сочувствую

тем, кто преклоняется перед писателями и изучает их жизнь под микроскопом. Любое литературное произведение обретает собственную, независимую от автора жизнь. Поэтому я не согласен с современными тенденциями хоронить творчество в биографических датах.

От этих мыслей меня моментально отвлекло то, что я увидел за окном. Три подростка нащупали точку опоры для ног у края каскада – там, куда прибывало плавник. Течение в этом месте было не таким быстрым, как в середине, где вода перекачивалась через край – результат непрекращающихся в последнее время дождей. Ребята выталкивали деревяшки к центру, развлекаясь тем, что нарушали поблескивающее однообразие потока.

Эта сцена красноречиво демонстрировала мои затруднения. Для выставки требовался зрительный ряд. Страницы текста, каким бы он ни являлся красивым, не годятся для демонстрации публике, если нет иллюстраций. Однако романы с этой точки зрения малопривлекательны. А иллюстрации к изданиям Остен всегда наводили на меня тоску. Немного лучше, чем странички мод. В Бате были написаны два ее романа: «Нортенгерское аббатство» и «Доводы рассудка». Но кто станет рассматривать фотографии Милсом-стрит или зала для питья минеральной воды, если все это рядом и можно увидеть своими глазами? Нет, придется ломать принципы и эксплуатировать биографический аспект – демонстрировать портреты родных Джейн, изображения домов, где она жила,

и людей, с которыми встречалась. Иллюстрации будут статичными, но по крайней мере не покажутся безжизненными.

А как быть с движущимися картинками? Можно демонстрировать эпизоды из поставленных по ее произведениям телефильмов, которые снимались в Бате. Я вспомнил недавнюю телеверсию «Доводов рассудка». Би-би-си, возможно, просило разрешения городского совета проводить натурные съемки, поэтому будет вполне резонно рассчитывать на ответную помощь корпорации.

Я представил несколько рядов стульев перед большим экраном в бальном зале и проникся оптимизмом. Взгляд вернулся к каскаду. Один из пареньков двигался вдоль кромки к центру. Почти у вершины искривления в воде кувыркалась палка, которую он, вероятно, туда бросил. Двое других наблюдали, как парень уверенно идет в ее сторону. На вид ему было лет двенадцать-тринадцать, крепкого телосложения. На обоих берегах висели объявления, предупреждающие, что купаться и плавать на лодке в этом месте опасно.

Помню, я поспорил сам с собой: сначала говорил, что мальчишка идиот, и сразу возражал себе – мол, парням в этом возрасте постоянно требуется преодолевать себя. И если они не полезут в каскад, то станут съезжать по пандусам на скейтборде на какой-нибудь автостоянке. Мальчишка добрался до высшей точки закругления каскада, выхватил из воды палку и поднял над головой, словно меч Экскалибур.

Один из наблюдавших парней, видимо решив, что хватит

уже их приятелю выставляться, схватил деревяшку, швырнул в его сторону, но не попал. Заметив, что в него чем-то запустили, парень увернулся, однако, недооценив силу течения, был вынужден, чтобы сохранить равновесие, шагнуть в сторону. Это привело его ближе к краю. Он почувствовал опасность и мгновение балансировал, размахивая руками. Затем переступил на следующий уровень.

Ход, казалось, был верным. Бетонные ярусы были в этом месте широкими, а перепад высоты составлял не более нескольких дюймов. Течение ему не грозило, он мог в любую секунду уйти на безопасное место. Но парню не повезло. Нога соскользнула, и он, потеряв равновесие, опрокинулся на спину. Вода потащила его вниз на следующий уровень.

Я вскочил, испугавшись, что сорванца затянет в водоворот. Кажется, крикнул Дэвиду: «Мальчишка в опасности!», выскочил из кофейни и побежал через мост. Другие люди тоже видели с набережной, что происходит, но я оказался ближе всех. Повернул направо и, схватившись за железные перила, бросился вниз по лестнице к поддерживающей мост каменной опоре. Я спешил к ограждению у реки. Оттуда открывался хороший обзор, но мальчишка исчез, а два других, будто в столбняке, смотрели на то место, где вода, скатываясь с уступа, образовывала кипящую воронку.

С этого берега реки в конструкции перепада было устроено нечто вроде шлюза – огромные ворота на платформе. Чтобы добраться до цели, мне требовалось преодолеть сотню яр-

дов до противоположной стороны, где находилась лестница, и перебраться через платформу. Там же висели спасательные круги. Времени на это не было.

Я сорвал пиджак и ботинки, перелез через ограждение и прыгнул. Полет вниз составил футов пятнадцать. Я ушел под воду, вынырнул, отплевался и поплыл. До этого момента мои действия были автоматическими. Но в воде одолели сомнения. Было ли ребят трое или только двое? Мое представление бессмысленно и глупо, если попавший в беду парень выбрался самостоятельно и уже стоит на берегу.

Правая рука коснулась чего-то твердого под водой. Ухватившись за камень под бетонным водоразделом, я подтянулся, сначала оперевшись на одну ногу и вытолкнув себя наверх. Теперь я сумел встать примерно в том месте, куда добрался парень, когда полез за палкой. Течение сбивало с ног. Ребята на берегу что-то кричали и махали руками.

– Вы его видите? – крикнул я в ответ.

– Пока не выплыл. – У парня был приятный выговор, навевающий воспоминания об учебнике латинского языка и полосатых школьных шапочках.

– Где вы его видели?

– Там, сэр! – Он показал пальцем.

Я повернулся налево и заметил руку в клочьях пены. Но она сразу же исчезла из виду.

– Бросьте спасательный круг и приведите помощь!

Я понимал, что мои шансы невелики, но нельзя же спо-

койно смотреть, как тонет человек. Я спустился на второй уровень. И тут моя нога поехала в сторону, я рухнул на колени и пополз к тому месту, где заметил руку. Ясно представлял, как завихрения потока не дают парню выкарабкаться назад, а реке унести его вниз. Парня будет затягивать на глубину и выталкивать наверх, пока он не захлебнется.

Ни на что не надеясь, я снова окинул взглядом бурлящую поверхность и вдруг увидел мальчика. Его в очередной раз подбросило вверх в двух или трех ярдах передо мной. Крутило, как бревно, судя по всему безжизненное. Я бросился вперед, выставив руки, и попытался схватить утопающего. Холодная вода ударила в меня с силой носорога и потянула на дно. Я наглотался воды, в ушах звенело. Меня опрокинуло, и я потерял представление, где верх, где низ. Голова угодила во что-то твердое, но мне удалось ухватить парня, и я держал его за ногу.

Обхватил обеими руками, подтянул ближе. Водоворот играл нами, будто бутылочной пробкой, – то тащил вниз и волочил по дну, то, выбрасывая наверх, крутил и бил в лицо. Но я не отпускал парня. Хотя сознавал, что силы тают, и бороться с рекой становится труднее. В очередной раз оказавшись на поверхности, улучил момент, вдохнул и увидел над собой листву. Это означало, что нас снесло к внешней стороне каскада, где течение было не таким сильным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.